

*Посвящается Семену и его удивительным родителям,
Оксане и Юре*

Тотон из Одинсбурга

Шестьдесят четыре главы

до битвы с пустотой

Солнце в то утро встало чуть пораньше, но этого никто не заметил. Поэтому солнце, пока его никто не видит, принялось за работу.

Пробежалось лучами по улицам города, чтобы просушить вчерашние лужи. Заглянуло в окошки магазинов, булочных, парикмахерских и убедилось, что все прибрано и расставлено по своим местам.

Подогрело воду в фонтане. Дети всё равно полезут купаться, так хоть не подхватят насморк.

Немного подзадержалось на главной площади, подкоптило оставленные на ночь киоски с попкорном, чтобы аромат жареной кукурузы разлетелся по городу еще до начала торжества.

Наспех вылило остатки тепла на зеленую травку, чтобы та выглядела еще сочнее. Солнце знало - сегодня в городе будет большой Праздник Равносчастия, а значит, все будут отдыхать.

И только оно собралось взлететь вверх, чтобы зацепиться за свою ось и потом по удобной накатанной дороге не спеша катиться в ночь, как споткнулось о нечто необычное.

Окно старой башни, где жил Од, было открыто.

Это только кажется неважной деталью, но у солнца хороший нюх на такие дела. Ведь если окно было закрыто все то время, что простояла на окраине города старая башня, а сегодня его ставни вдруг оказались открытыми - это заслуживает как минимум любопытства.

И солнце бросилось туда. Влетело через окно в крохотную комнатку наверху башни, ничего интересного не обнаружило. Хотело было постучаться в двери, но они неожиданно распахнулись и из башни вышел Од. Солнце не видело его уже несколько месяцев, а такая разлука никому не идет на пользу.

Это был невысокого роста старик, такой худой и сухой, словно сплетенный из веревочек. С последней их встречи он стал еще меньше, прозрачнее, заковыристее. На голове была охалка лихо закрученных в пружинки седых волос. Поверх старой бесцветной одежды были намотаны шарфы, на спине висело сразу несколько

рюкзак. Солнце даже приснуло со смеху, когда разглядело его. Но Од приветливо помахал ему рукой и неожиданно бодро, почти вприпрыжку, зашагал в город.

Шестьдесят три главы

до битвы с пустотой

Как раз в то время, когда солнце провожало Ода в город, проснулись Тон и Тона. Они, конечно, не видели ни открытого окна башни, ни чудного старика, зато видели часы, которые висели на их стене.

- Восемь! - крикнул Тон и выскочил из кровати так быстро, что одеяло с подушкой даже не успели ничего сообразить и затянуть его обратно, как они это делали в дни, когда надо собираться в школу. Сегодня школы были закрыты, но городской праздник обещал столько интересного, что у подушки с одеялом просто не было шанса хоть на минуту задержать мальчика в кровати.
- Я первая! - тут же взлетело одеяло со второй кровати и показалось заспанное лицо девочки. Она подпрыгнула вслед за братом, чтобы как можно скорее умыться, одеться и побежать на праздник.

Они наперегонки ринулись в ванную комнату, толкаясь, устроились у умывальника, и пока чистили зубы, зеркало с удовольствием разглядывало их.

“Красивые у нас дети”, - думало зеркало, любясь их одинаково гладкими ровными волосами цвета мокрого песка, что у Тона были аккуратно подстрижены в ту единственную прическу, которую полагалось иметь мальчикам в Одинсбурге, с челкой на бок, а у Тоны - в четкое гладкое каре, тоже согласно местным правилам.

Носы у детей были одинаковые, чуть вздернутые, в россыпи мелких конопушек. У обоих не хватало по два молочных зуба - выпадали зубы у детей, родившихся в один год, в одно и то же время, которое в народе прозвали “неделей зубопада”. Глаза были карие, с золотыми искорками, брови над ними ровные, будто нарисованные. Дети были одинакового роста, худощавые, с острыми локтями и коленками.

Тон и Тона быстро почистили зубы (некачественно, как сказал бы любой родитель, который желает своим детям самого лучшего), но сегодня был особенный день, поэтому родители чистку зубов не контролировали. Скинули пижамы, наспех надели костюмы, что выдавались им только по случаю уличных гуляний. На обоих детях были бледно-синего цвета рубашки, сверху на которые были накинуты пиджаки, тоже синие, но поярче. Завершали наряды синие штаны у Тона и синяя юбка по колено у Тоны. Синие носки, синие ботинки - дети быстро завязали шнурки и выскочили из комнаты.

Побежали в столовую, стараясь не шуметь, потому что их младший брат, которому скоро должен был исполниться годик, еще спал. Его же не будили в школу и, вероятно, не стали бы будить и сегодня - так думали дети, но они ошибались.

Маленький Тотон уже сидел в своем стульчике на кухне и внимательно рассматривал новую синюю скатерть, которой был накрыт стол.

Мама готовила на завтрак блины, которые в честь праздника разрешалось съесть с шоколадной пастой. И сам факт того, что сегодня нет школы, зато есть шоколадная паста, превращал этот день в волшебный! Настроение было таким радостным, что дети даже забыли подраться за первый блинчик, а дружно поделили его на две части. А когда все блины были съедены, они подбежали поцеловать маму и уже на ходу договорились встретиться с родителями и маленьким Тотонем у крайнего киоска на главной площади через час.

- И не опаздывайте! Сами знаете, потом уже до вечера нас найти не сможете! - крикнула мама им вдогонку.

Шестьдесят две главы

до битвы с пустотой

А праздник тем временем уже всю гулял по улицам.

Синие воздушные шары украшали фонарные столбы, перила лестниц, ограды мостов, окна домов. Машины замерли на парковках, словно впали в спячку, отчего город стал казаться еще больше и просторнее. Отовсюду доносилась музыка - одна и та же мелодия, что служила гимном Равносчастия, перетекала от одного дома к другому, разливалась по перекресткам, кружилась на площадях, стучалась в окна. Жители Одинсбурга улыбались любимой песне, открывали ей двери и она подхватывала их, будто не желая сидеть дома, и вытаскивала наружу.

Скоро все улицы города были наполнены его жителями - счастливыми и веселыми, всеми до одного одетыми в праздничные синие костюмы. Они шли стройными рядами, не толкаясь и не обгоняя друг друга, так что с высоты центральной часовни показалось бы, будто это вовсе не люди идут на площадь, а синие волны реки стекают в центр города.

Тон и Тона только выскочили из дома, как тут же попали в эту волну, влились в ровный ряд и зашагали вместе со всеми. Справа, слева, впереди и позади них шагали такие же ребята, как они: в синих костюмах, с карими глазами в золотых искринках, с ровными волосами цвета мокрого песка, причесанными на один и тот же лад. Все дети, да и взрослые, в этом городе были абсолютно одинаковые. Отличал их только рост: младенцы казались крошечной копией шагающих мальчиков и девочек, а те в свою очередь ничем, кроме пары-тройки десятков сантиметров, не отличались от взрослых.

Они шли мимо одинаковых белых домов с синими черепичными крышами, будто отражающихся в зеркале, мимо одинаковых деревьев, настолько похожих друг на друга, словно даже количество листиков у них совпадало (скорее всего, так и было, но никому и в голову не приходило это проверить). Люди одновременно ускоряли шаг,

когда проходили мимо одинаковых зданий больницы, полиции, пожарной, мэрии - все уже настроились на длинный выходной и не хотели задерживаться в рабочих кварталах.

Горожане дружно спускались по ступенькам, что вели к главной городской площади. Там уже вовсю началось гуляние. Маленькие симпатичные деревянные киоски выставили лотки с угощениями - горы попкорна, мармелада, жареных орешков, щедро обваленных в сахарной пудре и какао, свежие булочки с корицей и маком, разноцветное мороженое в хрустящих вафельных рожках, трубочки с шоколадным кремом. Все было таким аппетитным и ароматным, что как только люди чувствовали сочную смесь этих запахов, их стройные ряды тут же рассыпались.

Но не только за угощения и лакомства любили жители Одинсбурга свой главный городской Праздник Равносчастия. В этот день повсюду устраивались танцы, игры, конкурсы, в которых участвовали все - и взрослые, и дети. Шум стоял невероятный! Смех, крики, песни, разговоры - все смешалось, и было в этом столько праздничного настроения, что если бы пчелы собирали не пыльцу с цветков, а веселье с этой толпы горожан в синих костюмах, то мед из него вышел бы самый вкусный в мире!

А все потому, что это был единственный день в году, когда жители Одинсбурга могли почувствовать радость.

Шестьдесят одна глава

до битвы с пустотой

Тон и Тона сновали между киосками с такой скоростью, что скоро не осталось ни одного лотка с угощением, который бы они не изучили. Есть они больше не могли, признаться честно, даже смотреть на сладости не хотелось, но они должны были убедиться, что попробовали все.

Выпив воды из маленьких фонтанчиков, что били прямо из стен дома, а после превращались в ручейки и стекались в большой фонтан у центральной часовни, дети наконец посмотрели на огромные городские часы. Они опаздывали на встречу с родителями уже на десять минут. Дети попробовали было бежать, да только с набитыми животами это было сделать непросто, поэтому пришлось им, тяжело вздыхая, медленно идти в сторону крайнего киоска.

Там тоже вовсю шумел праздник. Люди веселились, танцевали, что-то ели и пили, и конечно, праздничное настроение, такое заразительное, как ветрянка в учебное время, коснулось всех, в том числе и родителей ребят.

Мама и папа стояли у крайнего киоска в кругу других родителей, смеялись, обнимались, и было видно, что им очень хорошо там, среди взрослых людей, без детей. Коляска с маленьким спящим Тотоном стояла чуть дальше, в тени дома из белого кирпича с синей черепицей. Запыхавшиеся Тон и Тона не вызвали у своих родителей особого интереса - они наскоро обнялись и поцеловались, а потом

взрослые скомандовали, что дети должны приглядеть за маленьким Тотоном, пока родители пойдут прогуляться по площади.

В другой день дети бы попробовали улизнуть от скучного задания, но сегодня в их животах было столько сладкого, что перспектива спокойно посидеть в тени и не шевелиться показалась даже заманчивой.

Они уселись прямо на дорожную плитку, облокотились на прохладную стену дома и незаметно для самих себя задремали.

Когда твой живот переваривает пять булок, три бумажных стакана попкорна и еще десяток конфет, ты спишь не просто крепко. Ты спишь так, будто сахар из съеденных сладостей залепил тебе уши, нос, глаза - тебя не разбудят ни громкая музыка, ни крики сотен людей, ни взрывы хлопушек и петард.

По крайней мере, Тон и Тона спали именно так. Их головы во сне склонились набок и уперлись друг в друга, видимо, поэтому сон так и не разобрался, кому именно из них присниться, и приснился сразу обоим.

Шестьдесят глав до битвы с пустотой

Сначала открыла глаза Тона. Ее шея затекла, поэтому она подняла голову. В тот же момент голова брата, лишившись опоры, резко дернулась вниз, и Тон тоже проснулся.

Родителей рядом не было, но ребята даже не думали испугаться. Праздник был в самом разгаре и, конечно, мама с папой сейчас веселятся, они же тоже люди, хоть и взрослые.

Вокруг по-прежнему было много народу, стоял шум и гам, правда, сейчас детям казалось, что он немного затих и раздается как будто со стороны.

И в тот самый момент, когда Тона хотела было ткнуть брата в бок за то, что он снова наваливается на нее, а Тон хотел ущипнуть сестру за плечо, потому что она толкается, они вдруг одновременно спросили: "А где коляска?"

Коляски, в которой спал маленький Тотон, не было.

На ее месте лежал бумажный кулек, похожий на те, в которые заворачивают жареные орешки в сахарной пудре и какао, что продаются на площади, только гораздо больше.

Дети встали, потирая затекшие ноги, и подобрали кулек. Внутри оказались несколько странных вещей: зажигалка, очки с толстенными линзами, небольшой вантуз, очень похожий на тот, что стоял у ребят в ванной под раковиной, монета из темного металла, деревянный молоточек, гладкий камень оранжевого цвета, наручные часы с непонятным циферблатом, липкий скотч и бутылка с какой-то жидкостью.

- Ерунда какая-то, - пробурчал Тон и стал оглядываться по сторонам.
- Наверное, родители вернулись, увидели, что мы спим, забрали Тотона и пошли с ним гулять, - неуверенно сказала Тона. Сама мысль о том, что родители оставили бы их спящими на улице, прямо на тротуаре, казалась нелепой. Они бы не только разбудили, но еще и отругали как следует. Но так как другой версии не было, брат и сестра тут же решили, что надо найти родителей.

И только они собрались уходить, как вдруг заметили небольшой рисунок на стене, в том месте, где стояла коляска. Возможно, он был там и раньше, но одна деталь в нем заставила детей задержаться.

На стене было нарисована стрела, указывающая вверх, а над ней то ли облако, то ли просто овал, внутри которого стояли буквы и цифры: ТТН-3-3. И это сразу бросилось детям в глаза - комбинация была слишком знакомая, чтобы ее не заметить.

ТТН-3-3 - это был код имени их младшего брата Тотона.

Пятьдесят девять глав

до битвы с пустотой

В Одинсбурге - городе одинаковых людей - существовала своя система кодирования, которая помогала разбираться, кто есть кто. Разрабатывал ее Центр Порядка и Контроля, но так было не всегда.

Возможно, конечно, это была одна из городских легенд, которыми богат каждый город, но люди поговаривали, что в момент его основания жители были обычными людьми, то есть совершенно разными. С разной формы ушами и носами, с рыжими, каштановыми, пшеничными волосами, высокими и не очень, пухленькими и худенькими - словом, разными.

Не было тогда еще ни одинаковых белых домов с синей черепицей, ни Праздника Равносчастия, ни следующего через полгода за ним Дня Печальных Мыслей.

Люди жили, влюблялись, дружили, ругались и спорили - до тех пор пока однажды не случилось Обнуление. Про причины Обнуления ходили разные слухи. Но в основном люди считали, что Земля сама поняла, что ни к чему хорошему эмоции и чувства не приведут. И решила убрать их, а заодно и войны, революции и прочие неприятные вещи, которые случаются, когда одни люди думают, что они лучше других.

После Обнуления все стали одинаковыми, никто не выделялся, не хотел большего, не страдал от неразделенной любви. Жизнь стала настолько ровная и беззаботная, что люди быстро забыли, каково это - жить и что-то чувствовать.

Вспоминали только дважды в год - на Празднике Равносчастия и в День Печальных Мыслей. И насколько весело, празднично, дружно было на Празднике Равносчастия, настолько же одиноко, тоскливо и уныло было в День Печальных Мыслей.

В этот день все просыпались грустными и встревоженными. Слонялись по городу и не находили себе места. Толкались, ругались, обижали друг друга и сами плакали. От тоски и одиночества многие уже к вечеру лежали с температурой. Все горькие мысли, что целый год не беспокоили, теперь прорывались со страшной силой. Поэтому, с трудом засыпая, люди облегченно вздыхали - завтра наступит новый день и в нем не будет страха, печали и тоски. А проснувшись, и вовсе забывали, как плохо было вчера. Так и жили - ровно и без переживаний - до следующего Дня Печальных Мыслей.

Сразу после Обнуления Центр Порядка и Контроля придумал кодирование. Каждый человек получал свой код, который указывал, к какой семье он принадлежит и какое место в ней занимает.

ТТН-3-3 - означал, что ребенок родился у Тота и Ноны и был третьим в третьем поколении.

Система кодирования работала четко и без сбоев. Никто не терялся, каждый житель Одинсбурга сразу после рождения получал что-то вроде татуировки со своим кодом на шее, сбоку под ухом, там, где у девочек заканчивается каре. Татуировка больше напоминала родимое пятно, правда, в виде четких линий. Синяя с чуть красноватым отливом - она была очень хорошо заметна. Вскоре люди настолько привыкли сначала смотреть на шею, а потом уже здороваться, что это стало местным ритуалом. При встрече горожане делали быстрое движение головой, чтобы увидеть код на шее, а потом так же быстро отводили голову обратно. Это означало "здравствуй" и служило началом любого разговора.

Чтобы найти родителей в день главного городского Праздника Равносчастия, детям предстояло осмотреть сотни шей. Может быть, именно поэтому они все еще не побежали на поиски, а разглядывали стену со странным рисунком.

Пятьдесят восемь глав

до битвы с пустотой

- Где-то я уже видела эту стрелу, - задумчиво сказала Тона. - На какой-то картинке, помню даже, что она была разноцветная, я еще удивилась, ведь все остальное было черно-белым.
- Черно-белая? - переспросил Тон. - Газета, что ли?
- Точно! Газета! Папина газета, которую он по понедельникам читает! Она лежала на столе, и я, пока завтракала, от скуки рассматривала объявления. И мне в глаза бросилась цветная картинка, единственная на всю газету. А когда

папа принес газету в следующий раз, эта картинка стояла на том же месте.

- А что еще на ней было, помнишь? Ну, там, телефон, электронная почта...
- Не помню, - грустно вздохнула Тона. - Была только вот эта стрела, разукрашенная серым цветом, голубое облако над ней, что-то коричневое внизу и по бокам все зеленое. Может, еще что-то и написано было, но я внимания не обратила.
- А я всегда говорил, что ты балда. Память тебе для чего? Коды мальчишек с класса запоминать, чтобы потом записочки писать? Нет бы запомнить, что было в том объявлении!
- Сам ты балда! Я хотя бы вспомнила, где видела, а от тебя вообще никакого толку! Брат пропал, а ты стоишь тут, умничаешь. Сейчас родители вернутся, влетит тебе, а я даже не заступлюсь!
- Если и влетит, то обоим, не беспокойся. Но родителей лучше всё-таки найти, чего тут стоять, стену рассматривать. Бери этот кулек и пошли искать.
- А чего это я его тащить должна? Тебе надо, ты и тащи. Умник нашелся...

Так, ругаясь и то и дело передавая кулек друг другу, Тон и Тона отправились на поиски родителей.

Найти их было бесконечно сложно. Сотни одинаковых людей разного роста перемещались вокруг с бешеной скоростью. Этого и опасались дети - стоило им рассмотреть чью-то шею и убедиться, что это не их мама или папа, как налетала новая толпа. Все тут же смешивались, как хлопья попкорна, высыпанные на землю, и приходилось все начинать сначала.

Быстро устав от этого бесполезного занятия, дети печально побрели в сторону дома. Ругаться им уже надоело. Но на выходе с главной площади взгляд Тоны вдруг зацепился за прилавок с кулками орешков.

- Смотри! - дернула она за рукав брата и быстро подскочила к прилавку. - Орешки! Да не эти, воон те, видишь?? - громко зашептала Тона, указывая пальцем куда-то вбок.

Тон сразу все понял. Орешки были упакованы в газетные кульки, которые крутят продавцы перед праздником, чтобы насыпать в них сладости. Все кульки были одинаковые, черно-белые, и только один, тот, на который тыкала пальцем Тона, был разноцветный.

Пятьдесят семь глав
до битвы с Пустотой

Продавец сидел глубоко внутри прилавка и его совсем не было видно. Пришлось звать.

- Эй, есть кто-нибудь? Мы хотим орешки! - дети попытались перекричать уличный шум.
- Есть, есть, - ответил чей-то голос, тихий и печальный. И спустя мгновение дети увидели лицо продавца.
- Что с вами? - воскликнула Тона. - Вы плачете? Сегодня же не День Печальных Мыслей, а Праздник Равносчастия! Все должны радоваться и веселиться!
- Знаю, знаю, - сказал продавец, чье лицо ничем не отличалось от папиного или соседского, или даже лица Тона, будь он на пару десятков лет старше. Обычное мужское лицо - только заплаканное. Что делало его очень необычным.
- Но я не могу сегодня веселиться.
- Почему? Что случилось? - тут же спросила Тона. Она была очень чуткая девочка и даже несмотря на то, что жители Одинсбурга практически весь год ничего не чувствовали, внутри Тона всегда ощущала какое-то волнение. Она не могла понять, чего ей волноваться, ведь жизнь была ровная, замечательная, но и отделаться от этого прилипчивого, как жвачка, чувства не могла. Сейчас она ощущала его особенно сильно.
- Понимаете, полгода назад умерла моя жена, мой самый близкий и любимый человек... - начал говорить продавец, но Тон его тут же перебил.
- Так чего вы расстраиваетесь? - воскликнул он. - Вы же знаете, смерть - это еще одно Обнуление, после которого человек просто переходит в новое тело и продолжает жить! Нам в школе рассказывали! Ваша жена уже несколько месяцев как живет себе спокойно в теле какого-то младенца. Ест, спит, писает и какает, как наш Тотон, - захихикал Тон над своей, как ему показалось, удачной шуткой.
- Какой же ты дурак! - грозно замахнулась на него кулаком Тона.

А продавец сказал:

- Я все это знаю. Только вот... - он замолчал, и было видно, как ему сложно подобрать слова. - Только вот я очень скучаю по ней. Она часто спорила со мной, иногда мы даже ругались, но все остальное время нам было так хорошо вместе. Мы нашли друг в друге десяток тайных отличий, благодаря которым уже никогда не заглядывали на шеи остальным - мы узнавали друг друга даже без кода. И сейчас мне очень грустно без нее.

- Но ведь грустить надо в День Печальных Мыслей! Дождитесь и грустите как следует, зачем сегодня-то? - спросил Тон.
- Когда я остался один, я сделал себе талисман памяти. Взял ее любимый камень, который она как-то подобрала на дороге и с тех пор твердила, что это талисман на удачу, приделал к нему цепочку и носил на груди. И всю свою боль и печаль хранил там. Это была память о нашем счастье. Я смотрел на него, вспоминал жену и мне было так легко на душе, что даже не хотелось плакать. А вчера вечером он пропал. Я все обыскал - но его нигде нет. И я не могу не плакать, слезы сами текут из моих глаз. Боюсь, мне не дожидаться Дня Печальных Мыслей, кто-то еще заметит, что я все время плачу, и меня обнулят.
- Да, дела, - хмуро сказала Тона. - А может, вам повесить на цепочку какую-то другую вещицу?
- Все вещи я, как и полагается, сдал в Центр Порядка и Контроля. Остался только этот камень, потому что по нему никогда не скажешь, чей он был, мой или ее. Он был необыкновенно красивый - оранжевый, гладкий, отполированный до блеска...
- Оранжевый?! - в один голос воскликнули дети и тут же вытряхнули из найденного кулька все содержимое. - Как этот? - спросил Тон и протянул продавцу ровный оранжевый камень.
- Откуда? Как? Где вы его нашли? - продавец от счастья подпрыгнул. - Это он! Это совершенно точно он! В мире просто не может быть двух таких одинаковых камней!
- Мы нашли кулек со странными вещами в том месте, где пропал наш младший брат. И сейчас идем искать его и родителей. И нам нужны вот эти орешки, потому что они завернуты в газету, в которой.. Ох, долго объяснять, можно мы просто возьмем орешки? - торопясь, на одном дыхании выпалила Тона.
- Конечно, конечно! - продавец, кажется, уже и не слушал детей, он весь светился от счастья, держа в руках свой Талисман Памяти. - Берите любые, хоть все забирайте, разве мне может быть для вас что-то жалко?

Дети поняли, что разговор пора сворачивать, и взяли нужный кулек. Еще раз помахали продавцу, пожелали ему всего хорошего и побежали подальше от толпы, чтобы им никто не мешал.

А продавец остался стоять с талисманом памяти, улыбаясь своим мыслям. Отчего дети сделали вывод, что иногда в грусти человеку может быть лучше, чем без нее. Мысль была такая тонкая и странная, что они решили додумать ее попозже, а пока надо было искать родителей и Тотона.

Пятьдесят шесть глав до битвы с Пустотой

Дети завернули в первый попавшийся переулок и побежали по улице, оставляя позади городскую площадь с ее шумными веселыми обитателями.

Еще пару раз сворачивали, пока, наконец, не уперлись в тупик и тут же сели на ступеньки чужого крыльца. Пересыпали орешки по карманам, разгладили смятый кусок газетной страницы и, прижавшись друг к другу головами, стали его рассматривать.

Память не подвела Тону. Это действительно был очень похожий рисунок. Та самая стрела, точно такой же овал над ней, внутри которого был вписан код Тотона. Вокруг все закрашено зеленым, под стрелой - коричневым. И все, больше ничего, никакой информации. Казалось бы, простая картинка, будто нарисованная школьником, который не хочет делать домашку по английскому, зато хочет рисовать.

Но что-то детям в ней не давало покоя. Они крутили картинку и так и этак, переворачивали вверх тормашками. И заметили странную вещь. Если разглядывать картинку на расстоянии, казалось, что все закрашено плотно и равномерно. Но стоило приблизить ее почти что к носу и посмотреть в упор - как вдруг цвета рассыпались на сотни мелких шрифтов и загогулинок. И было件нятно, что неспроста они так тщательно прорисованы, что был в этом какой-то смысл. Но какой - неясно, потому что глаза от напряжения тут же начинали болеть и картинка снова сливалась.

- Я больше не могу, - вздохнула Тона и подняла голову. - Глаза устали.
- Я тоже, - ответил Тон. - Нужна лупа. Но где ее взять?
- А помнишь, когда мы с классом в поход ходили, мне мама лупу покупала? Она должна быть дома! - воскликнула воодушевленно Тона.
- Эээ... нууу... давно хотел сказать, просто момента подходящего не было, я твою лупу поменял.. - смущенно сказал Тон.
- Поменял? Без разрешения? На что?
- Ты, главное, не кричи, а то нас заметят. На "вечную" жвачку...
- Это ту самую, которую ты потом оставил на спинке дивана и когда я села, она прилипла к моим волосам?
- Да, она. Помнишь, как долго я ее жевал?
- Я помню, как долго мама пыталась ее от моих волос отодрать! Но ничего не вышло и пришлось стричь! И я еще два месяца носила в школу неудобные очки и убирала волосы за уши, чтобы никто не видел, какое у меня кривое каре! Иначе папу бы оштрафовал Центр Порядка и Контроля, а все потому, что мой брат - болван! Знаешь, как неудобно ходить в очках, когда на самом деле у тебя хорошее зрение?- разозлилась Тона.
- Очки.. Очки! - воскликнул брат, не успев даже обидеться. - Вытряхивай наш кулек еще раз, там же были очки!

Тут и Тона забыла, что только что готова была треснуть брата кулаком по лбу, и быстро достала из найденного кулька очки с толстыми линзами. Тон хотел было их забрать, но она так грозно посмотрела на него, что он сдался.

- Ладно, ладно, надевай первая. И давай уже смотри быстрее!

Пятьдесят пять глав

до битвы с Пустотой

Тона в этих странных очках выглядела нелепо, отчего Тон снова захихикал, но она не обратила на него внимания. Взяла газетный обрывок в руки и стала внимательно разглядывать.

- Ну, что видно? - от нетерпения Тон подпрыгивал на месте.
- Да подожди ты, пока непонятно ничего. Какие-то мутные палочки, стрелочки, кругляшки.. Ерунда какая-то.
- Дай я посмотрю!
- Нет, я еще не закончила! Не мешай!

Но Тону тоже хотелось взглянуть сквозь толстые линзы и он не мог усидеть на месте.

- Дай, кому говорят! - прикрикнул брат и потянул сестру за руку, в которой был зажат кусок газеты.
- Стой! Замри! Что-то вижу!

Как только картинка отодвинулась на небольшое расстояние, видно стало гораздо лучше. Будто бы очки сами настроили себе резкость и теперь каждый штрих выглядел четко и ровно.

Тона увидела, что все эти, казалось бы, бессмысленные разводы вдруг сложились в определенный узор. Повсюду проступили объемные буквы, будто она сидела не в обычных очках, а в 3D. Она еще немного отодвинула картинку от глаз и легко прочла два слова: старая башня.

- Старая башня! Это старая башня, как же мы сразу не догадались? Помнишь, та, что стоит в лесу за городом? Мы видели ее однажды издалека, когда ехали на озеро с родителями.
- Точно! Стрела на картинке - это старая башня. Под ней - земля, вокруг - лес. Надо только понять, что за овал над ней и причем тут Тотон.
- Но как нам это сделать?
- Конечно, сходить туда!
- Но папа тогда сказал, что Центр Порядка и Контроля не разрешает детям одним туда ходить. Если поймут - сам знаешь что будет.
- Я знаю одно: мама с папой очень расстроятся, если узнают, что мы потеряли Тотона. А расстраиваться до Дня Печальных Мыслей им нельзя. Поэтому

ближайшие полгода им будет очень тяжело. Я не знаю, как ты, но я хочу решить это дело по-быстрому и тогда, возможно, никто не заметит, что Тотон вообще пропал.

- Ты прав! Побежали скорее, чтобы успеть вернуться дотемна.

Пятьдесят четыре главы

до битвы с Пустотой

Дети вскочили, быстро сложили разбросанные вещи обратно в кулек и побежали в сторону леса.

Старая башня была единственным сооружением, которое сохранилось после Обнуления. С тех пор перестроили все - и главную площадь, и центральную часовню, и дома. Только старая башня, что одиноко стояла в лесной глуши, казалось, уснула и пропустила большие перемены.

Гулять по лесу было запрещено - для этой цели в городе были специальные парки с одинаковыми деревьями и скамейками. Изредка люди проезжали мимо, когда ехали погулять на дальнее озеро. Туда разрешалось ездить только всей семьей и в определенные дни.

Когда дети попали в лес, стало понятно, что затея идти к башне пешком была так себе. Они шли-шли, но пейзаж вокруг оставался прежним - густые деревья, высокий кустарник, небо, что кусочками просвечивало сквозь верхушки деревьев, и тропинка.

Наконец дети выдохлись и сели прямо на тропинку передохнуть.

- Сколько нам еще идти? И куда? Вдруг эта тропинка ведет в другом направлении?
- А нам надо торопиться. Если родители вернутся и не найдут нас на месте, будут переживать.
- Интересно, сколько времени прошло?
- У нас нет часов. Хотя постой! В том кулке лежали какие-то часы, но они были странные. Я обратила внимание, что на них не было циферблата, только стрелки.
- Доставай. Попробуем разобраться.

Тона достала часы. Они стали их разглядывать. С виду они казались обычными, но стоило только присмотреться, как становилось понятно - часы шли в каком-то своем особенном ритме. Часовая стрелка скакала туда и обратно, минутная то разгонялась, то резко останавливалась.

- Ничего не понимаю. Времени по ним точно не узнаешь - но зачем они тогда?
- Давай посмотрим остальные вещи, вдруг найдем еще что-то.

Дети стали перебирать предметы, но идей, как их применить, в голову им так и не пришло. Тогда они сгрузили все в одну кучу и поэтому совершенно не заметили, как та странная монета из темного металла сама притянулась к часам и буквально прилипла к их обратной стороне.

И тут же стрелки стали крутиться в одном направлении и ритме - так быстро, что скоро их было уже не разглядеть. Они слились и превратились в пропеллер. А еще мгновение спустя и лес вокруг будто попал в круговорот: деревья, кусты, колючки - все завертелось с такой скоростью, что дети даже не поняли, что произошло.

А когда мир вокруг остановился, Тон и Тона с удивлением оглянулись по сторонам - каким-то образом они оказались прямо перед башней.

Башня была сделана из серых круглых камней, похожих на шарики из подшипников, что так любят отовсюду доставать и потом обязательно терять дети. Камни были отполированы до зеркального блеска так, что в них отражался мир вокруг. Дети впервые видели здание, настолько непохожее на типичные дома в Одинсбурге, и разглядывали башню как настоящее чудо.

Внизу башни была одна единственная дверь, наверху - такое же одинокое окно. Над окном начиналась крыша из черного камня в форме острия стрелы. Казалось, она разлеталась во все стороны, словно указывала направление - прямо в небо.

Как только дети подошли к башне, неожиданно начался дождь. На небе, чистом и ясном, вдруг появилась тяжелая серая туча. Она была неповоротливая и грузная, как будто ей самой было от себя тяжело. Поэтому она и опрокинулась таким сильным дождем на лес и башню - чтобы хоть немного себя разгрузить.

- Это овал! - воскликнул Тон. - Смотри, какая она ровная!

И правда, туча не потому выглядела странно, что была одна на голубом небе, а потому что ее края, обычно рваные или взбитые, как сливки, были идеально ровные.

- Точно! Это знак, что мы пришли в нужное место! - ответила Тона, и сердце ее забило быстро-быстро. - Но что нам делать дальше?
- Для начала найти где спрятаться от дождя. Не хочется мокнуть, а потом мерзнуть. Попробуем укрыться в башне?
- Давай!

Они осторожно подошли поближе, с трудом пробравшись сквозь заросшую жестким кустарником тропинку, и в растерянности застыли у двери. Робко постучались, потом еще раз и еще раз, но так и не дождавшись ответа, толкнули дверь - она легко открылась, словно только этого и ждала.

Пятьдесят три главы до битвы с Пустотой

Внутри башни было тепло, темно и сухо. Дети шагнули внутрь - и дверь, которая только что так доброжелательно распахнулась перед ними, тут же закрылась.

- Стой! Ты чего? - от испуга Тон заговорил с дверью. Она, разумеется, молчала в ответ, потому что вещи умеют разговаривать только в сказках. Тон подергал за ручку, но бестолку. Дверь была плотно закрыта.
- Это ловушка! Что теперь с нами будет? - тут же заплакала Тона, потому что, признаться честно, волнение и переживания уже просто переполняли ее. Она помнила, как хорошо бывает в День Печальных Мыслей после доброй порции освежающих слез, и надеялась, что раз никто их не видит, можно тихонечко поплакать даже в такой праздник. Тем более, что праздник их явно был испорчен.
- Не реви, - коротко и строго сказал Тон. Ему и самому, если честно, очень хотелось плакать, а еще больше он мечтал оказаться дома, с мамой и папой, и братом Тотонем, и чтобы все происходящее оказалось сном. Но мокрый костюм и усталость были настолько отчетливыми, что шансов не было - это происходило на самом деле.

Они очутились в небольшой круглой комнатке, которая освещалась гирляндами, развешанными на стенах. Это напомнило детям старую мамину фотографию, доставшуюся ей от бабушки, которую она почему-то не сдала в Центр Порядка и Контроля после Обнуления.

На той фотографии была смешная и странная семья. Тон и Тона, которые никогда за всю свою жизнь не видели других людей, кроме жителей Одинсбурга, рассматривали ее с особым интересом. Все люди на ней были разными, непохожими друг на друга - оттого и казались детям нелепыми. Взять хотя бы мужчину и женщину, что стояли в обнимку. Женщина была гораздо ниже мужчины (дикость, конечно, в Одинсбурге мужчины и женщины были одинакового роста), пухленькая, с ямочками на щеках и с кудрявыми волосами. Мужчина, напротив, был высокий, худой и практически без волос. Этот факт вызывал у детей особый смех - человек без волос! Подумать только! Это как такое вообще возможно, чтобы у человека не было волос? И так как объяснения этому не было, дети стали думать, что и не люди на фото вовсе, а какие-то космические пришельцы.

Но еще на фото были трое детей. Двое мальчишек и одна девочка. Определить их возраст было сложно - внешность была слишком непривычна. Один мальчик очень походил на своего папу - был таким же высоким, худым, серьезным, правда, с волосами на голове. Другой, видимо, был гораздо меньше и на фото так широко улыбался, что скорее походил на свою веселую маму с ямочками на щечках. А девочка - самая маленькая из всех детей - была ее точной копией. С кучеряшками, вздернутым носиком и пухлыми ручками.

Семья выглядела счастливой, отчего детям казалось, будто сфотографировали их в Праздник Равносчастия - единственный день в году, когда можно как следует веселиться. Но одеты они были не в привычные нарядные синие костюмы, а в разную странную одежду. И самое удивительное было то, рядом с чем стояла вся семья.

Она стояла рядом с елкой! Да, с елкой, которая растет в лесу! Но эта странная семья затащила ее прямо в дом, поставила у стола и навешала на нее кучу всякой ерунды. Какие-то шары, игрушечные зайцы, блестки. А главное - на ней были гирлянды, точно такие же, что сейчас освещали стены Старой Башни.

Дети знали, где мама хранит эту фотографию, и часто рассматривали ее. Мама не разрешала им этого делать, но иногда, когда заставала их за этим занятием, не ругала, а садилась рядом и тоже с интересом смотрела, хотя за столько лет выучила наизусть каждую деталь.

- Это ваша бабушка, - шептала мама, указывая на крошечную девочку. - Такой она была до Обнуления. Такими все мы были до Обнуления. Разными, непохожими, странными.
- Мам, а хорошо же сейчас, да? - спрашивали каждый раз дети. - Мы не плачем, не совершаем глупости. У нас точно не выпадут волосы, как у этого бедного дяди на фото. И ты точно не станешь такой пухленькой, даже если будешь каждый день есть свои пироги. Это же здорово, да, мам?
- Да, конечно, - задумчиво и как-то отстраненно кивала мама. - В любом случае, вам об этом думать не стоит. Это было так давно и никогда больше не повторится. Наш мир изменился, теперь все всегда в порядке.

И дети, конечно, были согласны с мамой, их жизнь им очень нравилась, она была простой, понятной и предсказуемой. Но вот только эта забавная семья и нелепая елка прямо посреди комнаты, и свет от десятка лампочек на фото были такими милыми, что прятать фотографию обратно в тайник детям каждый раз было все сложнее и сложнее.

Пятьдесят две главы до битвы с Пустотой

Эти воспоминания, которые моментально всплыли в голове Тона и Тоны, были такими уютными, согревающими, что дети тут же успокоились. Каким-то внутренним чувством, что до Обнуления называли интуиция, а после совсем забыли, они поняли - тут безопасно. Не стали бы злодеи и разбойники украшать свою башню такими милыми фонариками.

Так как комната была совсем крошечная, а дверь позади них закрыта, то решили идти единственно возможным путем - по винтовой лестнице куда-то вверх. Дети пытались аккуратно наступать на ступеньки, чтобы они не скрипели, но это было невозможно. Старые, сухие, они издавали протяжные звуки, стоило их только коснуться.

Так, шаг за шагом, в полной тишине, прерывающейся только скрипом сухих досок, дети добрались до верхней площадки. Они осторожно вылезли через небольшой люк и оказались прямо под крышей башни.

Дети огляделись. Посреди комнаты стояла детская коляска, рядом - большой деревянный сундук, а по стенам - полки с какими-то стеклянными флаконами. Больше в комнате ничего не было. И только они собрались подойти к коляске, как вдруг снизу раздались какие-то звуки. Это снова заскрипели ступени, только теперь по ним поднимался кто-то другой.

Дети быстро переглянулись и одновременно бросились к сундуку - это было единственное место, где можно спрятаться, только бы он оказался открыт. Тон схватил крышку - она была тяжеленная, и с огромным усилием поднял ее. - Забирайся! - шепотом скомандовал он Тоне, и как только она оказалась в сундуке, залез сам и прикрыл крышку, оставив только пару сантиметров, чтобы видеть происходящее.

От страха дети дышали так громко, что Тона даже закрыла себе рот руками в надежде, что будет чуть-чуть потише.

Даже через небольшую щелку детям было видно, как из люка сначала показалась странная седая голова, а следом за ней и все тело. Читатель уже знаком с тем, кто сейчас поднимался на крышу башни, а вот Тон и Тона видели его впервые. Поэтому они сейчас с таким любопытством разглядывали неожиданного посетителя башни.

Сухой, как тростник, старичок бодро взобрался через люк и теперь подошел к полкам. Порылся в многочисленных карманах, что-то достал, куда-то высыпал и перемешал. Взял стеклянный флакон с полки, налил туда какую-то жидкость, взболтал и повернулся к единственному окну, чтобы как следует рассмотреть результат.

Во флаконе плескалась жидкость, которая удивительным образом меняла цвет. Сначала она была желтой, потом превратилась в розовую, вдруг забулькала голубыми пузырьками, а уже в следующее мгновение стала оранжевой.

Старик довольно улыбнулся и подошел к коляске. Маленький Тотон, судя по всему, спал, по крайней мере, он не заплакал со страха, когда старик наклонился к нему.

Дети видели, как старик поднес бутылочку к ребенку и наклонил ее. Жидкость из бутылочки медленно исчезала, отчего дети сделали вывод, что Тотон ее выпил.

Старик отодвинул руку с пустым флаконом и еще немного просто смотрел на ребенка. Потом, словно что-то вспомнив, спохватился, поставил флакон на полку и бодро, резко, по-спортивному побежал вниз по лестнице.

Пятьдесят одна глава
до битвы с Пустотой

Когда звук шагов и скрипящих ступенек утих, дети услышали, как распахнулась и снова закрылась дверь. Тогда они открыли крышку сундука, выбрались из него и подбежали к окну. Стараясь сильно не высовываться, они увидели, как старик убегает по дороге прямо в лес.

Отдышавшись, они осторожно обошли коляску и заглянули в нее.

В коляске сидел их брат Тотон. Он не спал, его детское лицо выглядело озабоченным и серьезным. Да и все остальное тело было каким-то напряженным. Он сидел не как все дети, раскинувшись в сиденье, хлопая ладошками по игрушкам, которые вешают мамы на козырек колясок. Его ручки и ножки были неподвижны, спина - прямая, а сам он даже не шевелился.

- Эй, Тотон, привет, это мы! - тихо сказала Тона, осторожно тряся брата за плечо. Тотон даже не посмотрел на нее, оставаясь сидеть как и раньше.
- Тототка, ты чего? - спросил Тон, попробовав взять младшего брата за ручку. Его рука не просто выглядела застывшей, но даже на ощупь была будто из камня.
- Да что с ним? - снова со слезами в голосе воскликнула Тона. - Что вообще всё это значит? Кто принес его сюда? И зачем оставил нам эти знаки? Кто-то же хотел, чтобы мы его нашли - вот мы и нашли. Но что нам делать дальше?
- Не знаю. Давай попробуем стащить коляску вниз, а там уже разберемся.

Дети еще несколько минут обсуждали, как легче и безопаснее спустить коляску с ребенком по лестнице. Занятие это оказалось сложным и хлопотным. Пробовали поднять ее и так и этак, но вместе с Тотоном она была слишком тяжелая.

Наконец решились. Осторожно, стараясь не выронить ребенка, спустились вниз. Без сил, все мокрые от напряжения и перенервничавшие. Только Тотон оставался сидеть в своей натянутой позе, даже не пошевелившись.

Тон подошел к двери и, ожидая, что она по-прежнему закрыта, с силой навалился на нее и тут же выпал наружу - дверь легко открылась.

- Да что тут происходит? Больно-то как, - обиженно сказал Тон, потирая ушибленный локоть и коленку. - Что за игры такие дурацкие? То открывают дверь, то закрывают, кто это делает?
- Не знаю и знать не хочу. Пошли скорее домой. Родители будут волноваться, что нас так долго нет.

Пятьдесят глав

до битвы с Пустотой

Дети вышли из башни и покатали коляску в сторону города, не ссорясь и почти не разговаривая, так как сил на это не было. Дорога вела их через лес, густой и зеленый, петляя вдоль полянок и кустарников. Вот сквозь деревья вдалеке показался город.

Синие черепичные крыши домов будто хотели еще немного подрасти и тянулись к солнышку. Уже была заметна центральная часовня, отчего дети прибавили шагу. Они шли, устало глядя под ноги, и не сразу заметили, как вокруг что-то начало происходить.

Там, где стоял город, стали раздаваться какие-то хлопки. Сначала лопнул один дом. Потом второй, третий. И только тогда дети поняли, что с миром вокруг творятся странные вещи.

Их город Одинбург - красивый, ровный, точный в деталях, сейчас напоминал пену в ванне, которую по воскресеньям им делала мама из бутылки шампуня.

Подобно мыльным пузырям, что лопались, не оставляя даже следов после себя, бело-синие дома Одинбурга исчезали один за одним. На их месте оставалась пустота, но не такая, как бывает, когда ты собрал с пола игрушки, после того как мама в десятый раз строгим голосом приказала навести порядок.

Это была очень ощутимая, заметная даже на такой большом расстоянии пустота. Там не было ничего - ни руин домов, ни пустых улиц, ни следов людей или машин. Там было так пусто, как бывает, когда, например, теряется любимая собака или кошка. Дом остался прежним, даже их коврик на том же месте, и в то же время ты отчетливо понимаешь - здесь пусто. И как раньше уже не будет.

Дети застыли от растерянности, не сводя глаз с города. Дома лопались с такой скоростью, что уже через пару минут исчезла треть города, потом еще одна. Когда прошло еще несколько минут, от города, с его главной площадью и центральной часовней, фонтанами, магазинами, прачечными, булочными, школами и детскими садами, не осталось и следа.

Но пустоте как будто этого было мало. Она стала расползаться дальше, растекалась в разные стороны, поглощая на своем пути деревья и холмы. Вон она нащупала дорогу, что вела от города к старой башне, и понеслась по ней. Дети закричали, но надвигающаяся пустота быстро поглотила их крики. Они только и успели, что крепко схватиться за руки и прижаться друг к другу и коляске.

Дальше был сильный хлопок, похожий на звук петард, которые так часто запускают в Праздник Равносчастия. Перед глазами замигали разноцветные фонарики, и наступила полная пустота.

Сорок девять глав до битвы с пустотой

Пустота исчезла так же быстро, как и возникла. Дети еще даже не успели открыть глаза, как уже почувствовали - вокруг что-то есть. Звуки, запахи, дуновение ветерка - все это разом вернуло их к жизни.

Глаза открыли одновременно. И тут же от удивления заморгали - это что, им кажется? Снится? Мерещится?

Они увидели перед собой улицу, что ведет от крайнего киоска главной площади. Вокруг были толпы людей, одетых и выглядящих совершенно одинаково - обычных жителей Одинсбурга. Сами дети оказались сидящими на ступеньках в тени дома, рядом с коляской, точно в таких же позах, как в разгар этого бесконечно долгого дня.

Дети переглянулись и тут же вскочили. Коляска стояла на том же месте, что и раньше. Они заглянули в нее - Тотон сидел, пристегнутый ремешком. Выглядел он все так же странно. Напряженный, ручки и ножки зажаты, голова закинута. Но самым странным был его взгляд. Он будто не узнавал брата с сестрой, смотрел на них и не улыбался, как обычно, не махал ручкой, не пытался схватить за одежду, чтобы обязательно попробовать ее на вкус. Лицо его застыло, скривившись, будто внутри него что-то болит. Он раскачивался в разные стороны - вот, пожалуй, и все движения, которые он делал.

Тона отчего-то шепотом сказала:

- Не понимаю, снится все это нам или нет. И если снится, то что именно? Та башня в лесу, старик с флаконом, пустота? Или все это - Праздник Равносчастия и люди вокруг?

- А где кулек? Тот, который мы нашли? - спросил Тон. Он был на год старше Тоны, и сейчас особенно чувствовал, что на правах старшего брата должен принимать решения.
- Да тут он, я его положила в коляску, когда мы вышли из башни, - ответила Тона.

Кулек, действительно, оказался на месте, внутри по-прежнему лежали разные предметы.

- Значит, это был не сон! - сказал Тон. И продавец орешков, и путешествие в башню действительно были. Только как это возможно? Что за чудеса происходят? И что все-таки случилось с Тотоном?
- Неужели это старикашка заколдовал его? Зачем он это сделал? Может, это какой-то злой колдун? - предположила Тона.
- Ты что, сказок начиталась? Колдунов не бывает, как и прочего волшебства, - возразил ей брат.
- Да? А как ты тогда объяснишь то, что прямо на наших глазах лопнул весь город, а потом и мы с тобой? Это по каким-таким законам физики случилось? Давай, отвечай, ты же у нас самый умный и в сказки не веришь!
- Пока не знаю, - задумчиво ответил Тон и для убедительности почесал голову. - Но мы это с тобой выясним. А пока пошли уже домой. У меня такое ощущение, что я там целый год не был.

И дети, прихватив коляску, отправились домой.

Сорок восемь глав

до битвы с пустотой

Пока дошли, уже стемнело. Родителей дома не было, потому что они остались на главной площади, ведь впереди еще был фейерверк. Дети впервые в жизни пропустили его и смотрели из окна дома, хотя все остальные жители города были сейчас у центральной часовни.

Фейерверк в городе был особенный. Это был настоящий фейерверк-парад, прославляющий Одинсбург. В небо взмывали тысячи бело-синих огней, которые складывались в огромную картину, а дальше эта картина оживала, словно кинофильм. Каждый год создатели фейерверка старались придумать новые сюжеты, но они всегда крутились вокруг одной и той же темы.

Вот в небо вырвалась первая очередь снарядов и спустя мгновение оно осветилось от огромной, великолепной картины. На ней были изображены дети Одинсбурга - сотни одинаковых малышей, мальчишек и девчонок, стояли, словно на фото, и вдруг, как по команде, стали идти. И с каждым шагом они становились больше и крупнее. Когда дети выросли до размеров взрослых, картина рассыпалась в небе на десятки, сотни разных сюжетов. На все небо растянулась панорама будней города - один ходит на работу, другой воспитывает детей, третий стришет сад, четвертый развозит хлеб...

Обычно Тон и Тона старались выбрать местечко, где было лучше всего видно, но сегодня пришлось ограничиться окном. Поэтому они даже не узнали, что остальные жители, пытаясь разглядеть детали этого масштабного, но монотонного зрелища, в самый разгар фейерверка заснули. Стоя, сидя, держа в руке недоеденное мороженое. Весь город провалился в сон.

Дети только услышали, как вдруг стало тихо. Крики радости, восхищения стихли, никто больше не хлопал, не улюлюкал. Не летали новые заряды, а картинки, что были разбросаны по всему небу, вдруг замерли.

В страхе и оцепенении дети застыли у окна. Они увидели, как от площади стали подниматься какие-то лучи света. Вскоре вся площадь освещалась светом от них. Они поднимались прямо в небо и испарялись там.

Только когда последний столб света поднялся в небо и испарился, появились звуки. Там, вдалеке, на главной площади стали просыпаться люди. Задвигались, заговорили, стали доедать мороженое, удивляясь, как оно так быстро растаяло.

Тон и Тона так толком и не поняли, что произошло. Но день был такой тяжелый, что даже сил удивляться этому не было. А спустя еще какое-то время наконец-то открылась дверь и в дом вошли родители.

Сорок семь глав

до битвы с пустотой

- Мама! Папа! - дети наперегонки бросились к родителям и повисли у них на шее.
- Стойте, потише, задушите! - улыбнулась мама. - Вы все-таки потерялись! Хотя чему я удивляюсь! Вам все кажется, что вы уже такие взрослые и самостоятельные, что ничего не стоит сбежать от родителей и гулять в одиночку.
- Нет, мамочка, с нами такое произошло! В общем.. Ой, ты чего? - Тона собралась было выложить родителям все, что случилось этим странным днем, но резкий щипок за руку ее остановил. Тон смотрел на нее строго и сердито, и она поняла, что брат о чем-то не хочет говорить. О чем именно, ей было не ясно, но чтобы случайно не сболтнуть лишнего, она решила пока совсем ничего не рассказывать. - В общем, мы потерялись! И пока вас искали, так сильно устали, что пошли домой. Хорошо, что вы вернулись! Мы очень испугались!
- Ну ладно, все в порядке, тем более бояться вам совершенно нечего. В нашем городе всегда порядок, вы же знаете, - сказал папа и пошел мыть руки.

Мама спросила, хотят ли дети есть, и очень удивилась, когда они хором крикнули “Конечно! И побыстрее!”. Обычно после Праздника Равносчастия дети приходили сытые и от ужина отказывались. Мама отправилась на кухню, а дети уселись в зале, с тревогой и волнением глядя на брата, который по-прежнему вел себя очень странно.

Наконец мама позвала детей на кухню, они тут же набросились на еду, но уже через минуту мамин испуганный крик напрочь лишил их аппетита.

- Что с Тотонам? Что с ним? - в мамином голосе было столько страха, что на детей с двойной силой обрушились все переживания этого дня.
- А что с ним?- переглянувшись, тихо спросили дети, сделав вид, что они не понимают, в чем дело.
- Вот я у вас и спрашиваю - что с вашим братом? Он ведет себя как-то странно. Вернее, не ведет себя никак - и это на него непохоже. Тот, иди скорее сюда! - мама позвала папу.

Папа подошел, спокойный и невозмутимый, однако уже через несколько минут пустых попыток поймать взгляд Тотона тоже стал нервничать. Его голос, всегда ровный и уверенный, зазвучал так растерянно, что детям стало его жалко.

Он попытался взять Тотона на руки, но его крошечное тело будто окаменело, потеряло прежнюю подвижность. Ножки почти не сгибались, ручки, что вцепились в бортик коляски, так ее и не отпускали. И выражение лица у него было странным - как будто он собрался закричать, но невидимая сила в этот момент сковала его лицо. Там так и остался след крика, словно малыш больше не мог закрыть ротик. Родители с трудом достали ребенка из коляски, он вдруг начал сопротивляться, всем своим телом показывая это. Он не плакал, не кричал, но в его движениях было столько протеста, что уже через несколько минут лица родителей покраснели от усталости.

- Дети, - строгим голосом сказала мама, - сейчас же рассказывайте, что произошло!

Дети переглянулись и стали быстро рассказывать обо всем произошедшем за день. Сначала родители слушали их внимательно, но когда они дошли до истории с башней, резко перебили:

- Хватит рассказывать сказки! Как вы не понимаете, мы волнуемся за вашего брата и нам совсем не хочется сейчас слушать ваши небылицы!
- Мы не обманываем! Это правда!
- Дети, - устало произнес папа, - старая башня находится в двухстах фараметрах от города! Мы ездили с вами туда на машине и дорога заняла больше трех часов! Дойти до туда пешком, да потом еще и вернуться с коляской невозможно! Вы бы в лучшем случае пришли завтра!
- Но... - тут и дети сникли. - Как же так? Мы вместе видели и старика, и флакон, из которого он напоил Тотона, и как город лопнул...
- Так, хватит. Мне надоело. Скорее всего, вы так объелись сладкого, что вам приснился кошмар. Что в такой жаркий день неудивительно. Мы все устали, нам надо выспаться, а завтра будем думать, что делать.

Все - расстроенные, сердитые и обиженные - разошлись по своим комнатам. Дети первый раз в жизни всерьез поссорились с родителями и настроение у них было ужасное. До сих пор любые семейные конфликты заканчивались, не успев начаться, потому что людям, которые ничего не чувствуют, вроде как и ругаться не о чем. Однако сейчас внутри у каждого было столько эмоций, что даже делать вид, будто все в порядке, никто не хотел.

Сорок шесть глав до битвы с пустотой

Каждый год после Праздника Равносчастия наступало обычное утро, и Одинсбург возвращался к привычному образу жизни.

Это утро не было исключением. Для всех, кроме семьи наших героев.

Они проснулись и сразу почувствовали, что спокойствие, даже безразличие, которым так гордятся жители города, не вернулось. Детям было одновременно грустно, страшно, беспокойно. Столько разных чувств они испытывали только в День Печальных Мыслей. Но тогда они точно знали, почему это происходит. Потому что все плохое настроение, накопившееся за год, нужно слить, и когда внутри больше ничего не останется, все встанет на свои места.

До Дня Печальных Мыслей было еще далеко и как справляться самим с этим состоянием, дети не знали. Кое-как оделись и пошли в столовую в надежде, что Тотону стало лучше и причин волноваться больше нет. Но увидев, что родители опять пытаются его растормошить, поняли, что лучше не стало.

- Надо вызывать доктора, - наконец, сказал папа и тем самым нарушил тяжелую тишину в комнате.
- Но ты же знаешь, он не поймет, что с ним.
- Знаю. Но и другого выхода не вижу.

Не удивляйся, мой дорогой читатель. Дело в том, что в городе Одинсбурге существовали только десять болезней, которыми могли заболеть люди. Других болезней - а значит, и их лечения - просто не было. В эти десять болезней входили простуда, боль в ушах, зубная боль, желудочное расстройство, ушибы, мигрень, кашель, зуд, бессонница и боль в спине. При этих недомоганиях назначалось лечение, которое уже заранее знали все больные, но только доктор имел право подобрать дозировку пилюль и микстур.

С Тотонем же явно происходило что-то такое, что не подходило под описание ни одной из этих болезней. Но папа был прав - если кто-то и мог помочь, то только доктор.

Детям надо было идти в школу, но они так волновались, что стали просить у родителей разрешения пропустить сегодня занятия. На что родители, конечно, ответили категоричным отказом - школу нельзя было пропускать ни при каких обстоятельствах. За этим тоже следил Центр Порядка и Контроля.

Поэтому Тон и Тона, взяв сумки с учебниками, хмурые и невеселые, отправились в школу. Еле отсидели там свои положенные шесть уроков и понеслись домой. И уже на крыльце дома столкнулись с врачом.

- Так, кто из вас болен? - спросил доктор, внешне, разумеется, ничем не отличающийся от их папы, только с медицинским чемоданчиком в руках.
- Наш младший брат, - ответила Тона.
- Ну, пошли посмотрим, что с ним, - сказал доктор и нажал на кнопку звонка.

Сорок пять глав

до битвы с пустотой

Дверь открыла мама. Ее лицо было по-прежнему взволнованным, на что тут же обратил внимание доктор.

- Что с вами? Бессонница? Мигрень?
- Нет, я просто волнуюсь за сына.
- Просто волнуетесь? Такой болезни нет, а значит, вы должны, нет, просто обязаны быть спокойной.
- Да-да, конечно, я знаю. Я сейчас возьму себя в руки, - мама выглядела такой несчастной, что детям захотелось тут же треснуть врача чем-то или хотя бы наступить ему на ногу. Конечно, они этого не сделали, но все же по очереди выбегали из комнаты чтобы выпустить пар и поколотить руками хотя бы воздух.

- Ну рассказывайте, на что жалуетесь? Кашель, простуда, может, зубки? - доктор сел на предложенный стул, но даже не взглянул на Тотона. Он ждал ответа мамы.
- Я.. я не знаю, что с ним. Когда дети вчера вернулись с прогулки, он стал вести себя необычно. Капризничает, тело какое-то напряженное. Может, вы посмотрите?
- Хм.. Ну, давайте посмотрим.

Мама достала Тотона из люльки. Сейчас он уже был вялым, как постиранная мягкая игрушка, которую повесили сушить на солнышко. Головка его не держалась, ручки и ножки висели вдоль тела, взгляд бесцельно бродил где-то далеко, ротик по-прежнему был открыт, и вся футболка успела промокнуть от слюней.

Доктор растерялся. Среди существующих болезней не было ни одной, которая бы подходила под это состояние. Он попробовал согнуть и разогнуть ножки, но было видно, что малыш противится этому. Взял было голову в руки, чтобы поймать взгляд - но и этого не вышло, Тотон смотрел куда-то в сторону. Доктор достал свой молоточек, который обычно постукивал, когда пациенты жаловались на боли в спине. Постучал и убрал молоточек.

- Вы кому-то уже рассказывали об этом? - неожиданно тихо и серьезно спросил доктор.
- Нет, нет! Что вы! Мы прекрасно знаем, что это не понравится Центру Порядка и Контроля, - быстро и испуганно заговорила мама.
- Это точно ему не понравится, - сухо произнес доктор.
- Но что это? Что с нашим ребенком?
- Я пока не знаю. Надо наблюдать дальше. Я никогда прежде не видел подобного и пока ничем не могу вам помочь.
- Но как же? Мы так надеялись, что вы хотя бы что-то посоветуете! - со слезами на глазах воскликнула мама.
- Главное, спокойствие! Вы же знаете, что плакать вам нельзя! Если об этом узнают, у нас всех будут неприятности.
- Я обещаю не плакать, но доктор, пожалуйста, пообещайте, что не оставите нас. Нам нужна ваша помощь!

Доктор совершенно точно пребывал в растерянности. Всю свою жизнь он делал одну и ту же работу - лечил людей от десяти известных ему болезней. Но что делать сегодня, он не знал. Более того, правила Одинсбурга предписывали в случае любого отклонения от нормы тут же сообщать в Центр Порядка и Контроля. Он должен был прямо сейчас идти туда с докладом, но почему-то медлил.

Доктор знал, что его работа - лечить людей. Обычно это не вызывало вопросов и переживаний. Но сейчас что-то странное проснулось у него в душе. Он не мог вылечить этого малыша, но и бросить этих людей он тоже не мог. Ему вдруг показалось, что даже если ты не можешь помочь, надо найти в себе силы остаться. Может, кому-то от этого станет легче.

- Решено! - наконец заговорил доктор. - Мы постараемся выяснить, что с ребенком, но для этого вы все должны вести себя как обычно и не выдать нас. Иначе у всех будут проблемы. Вы поняли?

И дети, и мама быстро закивали в ответ.

- Раздевайте малыша и кладите сюда, прямо на стол. Я хочу его обследовать.

Сорок четыре главы

до битвы с пустотой

Шел уже второй час, как доктор внимательно и сосредоточенно осматривал Тотона. Заглядывал в ушки, ощупывал животик, старался уловить его взгляд, сжимал и разжимал ножки. Мама помогала доктору, а Тон и Тона тихо сидели рядышком.

Причин для беспокойства было много. Тотон не реагировал на свое имя, не улыбался в ответ, не брал предложенные погремушки, не желал сидеть. Казалось, будто что-то сломалось у него внутри, какой-то важный механизм, который связывал между собой его руки, ноги, голову...

Дети со страхом смотрели на брата, не в силах даже говорить друг с другом. Но думали примерно одинаково: как же так? Еще вчера это был здоровый и счастливый малыш, улыбака и немного хулиган, любитель кусаться, уползать от мамы под стол, все пробовать на вкус. Его душа, такая яркая и смешная, теперь оказалась заперта в этом теле, которое ничего не может.

Их грустные мысли прервал голос доктора:

- Очень сложный случай. Повторюсь, я прежде такого не видел и не лечил. В нашем городе не было ни одного случая подобной болезни, а значит, вы должны меня простить за то, что я не могу вылечить вашего ребенка... - он виновато посмотрел на маму, но увидев отчаяние в ее глазах, поспешил продолжить. - Но я попробую что-то сделать. Я буду приходить к вам каждый день в это же время и заниматься с ним. Я заметил, что он в состоянии выполнять легкие физические упражнения - с них и начнем. Будем наблюдать и надеяться, что ему станет лучше.
- Спасибо! - еле сдерживая слезы сказала мама.
- Спасибо! - уже всхлипывая, пробормотали ребята.
- Помните! Нам надо быть очень осторожными, чтобы никто ничего не заподозрил! Иначе, сами знаете... Обнуления не избежать.
- Да, да, доктор, мы знаем. Дети, - строго обратилась мама к Тону и Тоне, - вы все поняли? Вам нельзя подводить брата, поэтому мы будем делать вид, что у нас всё по-прежнему, все в порядке, поняли?
- Да, мама, поняли, - вытирая слезы, ответил Тон.

Сорок три главы

до битвы с пустотой

Мама пошла провожать доктора, а дети подошли к люльке, в которой лежал Тотон.

- Эй, братишка, ну что с тобой? - шепотом спросила Тона, взяв малыша за руку и поглаживая ее. - Ты нас очень пугаешь! Как жаль, что ты не можешь рассказать, что произошло. Ты будто даже не слушаешь меня.. Или все-таки что-то слышишь? Поддай знак! Сожми мою руку! Или хотя бы улыбнись!

Но Тотон смотрел прямо перед собой, его слабенькая ручка лежала неподвижно, и слезы, что весь день сдерживала Тона, быстро намочили его одежду.

- Мой хороший... - плакала Тона. - Мой милый братишка, я обещаю тебе узнать правду. Я сделаю все, чтобы найти того старика и заставить его все рассказать!
- Я тоже, - хмуро, но твердо подхватил Тон. - Мы эту кашу заварили, нам и расхлебывать.
- Нам нужно что-то придумать.. Ой, кто-то звонит в дверь!

Ребята подскочили и побежали к входной двери, где уже стояла мама. Она только успела закрыть дверь за доктором, как раздался новый звонок. Мама подумала, что это вернулся доктор - быть может, что-то забыл - и сразу открыла.

Но там был не доктор. Там была соседка, которая тоже воспитывала маленького ребенка и часто заходила днем в гости попить чаю, пока малыши вместе играли на разноцветном ковре.

В дверях стояла точно такая же мама, как и у ребят, с точно таким же младенцем, как и Тотон. Единственное отличие было в номерах на шее, но если в них не вглядываться, выходило, что мама сама пришла в гости к маме. Однако для героев нашей истории это было обычным делом, правда, сегодня приход гостей был совсем некстати.

Все трое - мама, Тон и Тона - застыли у двери, не зная, что бы на ходу придумать.

- Привет, Дона! - наконец сказала мама. - А мы как раз собирались...
- Спать ложиться! - быстро ляпнул Тон то, что первым пришло в голову.
- Спать? Сейчас? Ну ты шутник! - серьезно ответила соседка. В городе Одинсбурге было не принято веселиться, все его жители были чересчур спокойны для этого.
- Да, мы правда идем спать - со вздохом начала выкручиваться мама.

Отговорка была, мягко говоря, так себе, потому что все дети одинакового возраста спали в одно и то же время. Сонный час Тотона и сына соседки был гораздо позднее, поэтому она и приходила именно в это время изо дня в день. И выпроводить ее было очень сложно - мама никогда прежде так не делала.

- После Праздника Равносчастия мы слишком поздно легли спать и не выспались. Вот и решили прилечь.
- Ну что ты, какая глупость! Ты же знаешь, что по правилам нельзя ложиться спать в неположенное время, иначе весь режим насмарку. Так что не будем нарушать режим! Сейчас время бесед и игр.

Соседка решительно шагнула в дом, не обращая никакого внимания на смятение мамы и детей. Тем не оставалось ничего другого, кроме как тоже вернуться в комнату.

- Где Тотон? Неси его, пусть мальчики поиграют, - ровным голосом сказала соседка и усадила своего ребенка на разноцветный ковер.

Сорок две главы

до битвы с пустотой

Мама в растерянности смотрела на детей. Дети молча переглядывались и не знали, что бы придумать. Пауза затягивалась, а соседка, как назло, поторапливала.

- Ну, чего ты стоишь? Давай Тотона и ставь чайник, чаю попьем - без малейших эмоций сказала соседка.

Никогда еще детям и маме не казалась эта ежедневная встреча такой тяжелой. Прежде они даже не задумывались, что гости могут быть такими навязчивыми. Но сейчас ощущали это особенно сильно.

- Послушай, нам сейчас действительно неудобно. Пойми, пожалуйста, правильно, но сегодня я не готова пить чай, а у Тотона совсем нет настроения играть. Давай встретимся завтра.
- Мне уже начинает это надоедать, -- по-прежнему ровно ответила соседка. - Уж не знаю, что на тебя нашло, но твое поведение выглядит странным.
- Да, конечно, я знаю, но...

Тут Тотон, который лежал в люльке, начал крутиться и тяжело дышать. Тишина в комнате стояла такая, что казалось, будто он дышит прямо под ухом.

- Тотон хочет к нам, - сказала соседка, и маме не оставалось ничего другого, как достать малыша из люльки.
- Привет, Тотон, - натянуто и прохладно улыбнулась соседка. - Иди к нам.

Пока мама держала Тотона на руках, его изменения были не заметны. Казалось, что он обычный малыш и просто капризничает. Но стоило маме попробовать усадить его на ковер, как все пошло не по плану.

Тотон не мог держать спинку и головку, все время норовил упасть на бок, его ручки и ножки будто больше не подчинялись ему. Он как маленькая тряпичная куколка держался, только пока мамины руки были рядом.

Мама со страхом украдкой смотрела на соседку. Та рассматривала Тотона и на лице ее отразилось что-то, что ни мама, ни дети не могли понять. Чувства и эмоции в городе Одинсбурге почти не использовались, поэтому отличить любопытство от, скажем, злости мало кто умел. Ведь глядя в звездное небо, тоже не сразу поймешь разницу между звездами. Чтобы разобраться в них, придется взять телескоп и ночи напролёт изучать звезды.

То же самое было с жителями Одинсбурга. Люди, никогда прежде не испытывавшие эмоций, просто не могли в них разобраться.

- Что с Тотонем? - в ровном голосе соседки послышалось что-то похожее на страх. - Ты говорила, он не в настроении, но по-моему, он не здоров. Его надо показать доктору.
- Мы уже показывали, - тихо ответила мама. - Он сказал, что пока не знает, что с ним, но будет наблюдать. Только, пожалуйста, я тебя очень прошу, не говори пока никому...
- О таком надо сообщать в Центр Порядка и Контроля! А вдруг.. Вдруг с моим сыном такое же произойдет? - теперь уже страх в голосе был настолько ощутим, что его разобрали все - и мама, и дети.
- Но с Тонем и Тоней все в порядке, а значит, и вам бояться нечего, - сказала мама.
- Но ты этого не знаешь наверняка! Мы уходим! - соседка быстро подняла своего ребенка с ковра, подошла к двери и с силой захлопнула за собой дверь.

Мама вернулась в комнату. Она больше не могла сдерживать слезы и они падали из ее глаз, словно водопад, быстрый и сильный.

- Что теперь с тобой будет, сынок? И что будет со всеми нами? - плакала мама, обнимая маленького Тотона. Дети тоже подбежали и прижались к ней. Так они и стояли обнявшись, плача, но чувствуя, что они не одиноки.

Когда все немного успокоились и решили все-таки выпить чаю, Тона сказала:

- Мама, а что с нашей соседкой? Как можно быть такой равнодушной? Она же тоже мама и должна понимать, что ты сейчас чувствуешь!
- Я и сама этого не понимаю... Что уж с нее взять.
- А я знаю, что сейчас внутри меня, - грозно сказал Тон. - Злость. Эта соседка меня просто вывела из себя! Как она посмела так с тобой разговаривать? Я очень зол на нее, настолько, что мне хочется кинуть камнем в ее окно!
- Что ты, сынок, нас именно поэтому и лишили чувств, чтобы остановить жестокость, которая была повсюду. Говорят, до Обнуления люди даже начинали войны и убивали невинных, чтобы показать, насколько они разозлились.
- Но как же быть, когда я чувствую внутри себя эту злость? - воскликнул Тон. - Раньше мне было все равно, но сейчас она словно прожигает меня изнутри!

- Я не знаю, сынок. Я совсем запуталась и сама не понимаю, что со мной происходит. Еще вчера жизнь была такой простой и понятной, а сегодня у меня ощущение, будто я оказалась в резиновой лодке посреди огромной быстрой реки. Мне страшно, грустно, и я совершенно не знаю, как выбраться на берег.
- Mamочka, я тоже это чувствую! Но знаешь что? Я с тобой на этой лодке! Мы с тобой! Ты не одна! - Тона нежно обняла маму и стала гладить ее по спине.
- А пока нам нужен план действий! Даже если соседка не проболтается, рано или поздно люди начнут узнавать, что Тотон не в порядке. Надо решить, как мы себя будем вести и что говорить, - Тон чувствовал ответственность, так как папы не было дома, а кто-то должен был принимать решения.

Сорок одна глава

до битвы с пустотой

На семейном совете было решено следующее.

Маме с Тотонем - пока не выходить из дома и не привлекать к себе внимания.

Ребятам - сбегать в магазин за продуктами, появиться на игровой площадке, чтобы их заметили остальные дети. Чем меньше будет отличий от их обычной жизни, тем лучше.

Поэтому, затащив домой пакеты с покупками, Тон и Тона отправились на площадку. Там играли дети, что жили по соседству.

Со стороны их игры казались нелепыми. Дети почти не смеялись, не кричали, даже когда бегали в догонялки - ровным и скучным голосом говорили: "Я тебя поймал. Ты водишь". Кто-то рисовал на асфальте мелками, но и эти картинки были не очень-то веселыми. Рисовали всегда одно и то же - одинаковых человечков, одинаковые машины, одинаковые дома. Девочки обычно играли в куклы. Куклы, разумеется, тоже были одинаковыми. Сюжет игры всегда один и тот же - куклы проснулись, умылись, сходили в школу, пришли на площадку, пошли домой и легли спать. Дети не знали, что можно делать еще что-то, их фантазия была ограничена той жизнью, которой они жили сами. Там не было приключений, секретов, ссор и примирений.

Тон и Тона подошли к площадке, но вместо того, чтобы пойти играть, почему-то остались наблюдать.

- Какая же скукота! - прошептала брату на ухо Тона. - Они все, как заведенные, делают одно и то же, неужели им не надоело!
- Но мы сами еще позавчера жили так! Ты носила из дома кукол и играла с подружками, я бегал в догонялки. Почему мы не чувствовали, как это все уныло? И почему чувствуем сейчас? Что с нами всеми произошло? Слушай, а кулек-то на месте? Ты говорила, что положила его в коляску. Быть может, там мы найдем подсказку?
- Точно! Побежали сейчас же домой! Надо проверить!

- Подожди минутку. Кто-то из ребят должен обязательно обратить на нас внимание - мы же договорились с мамой вести себя как обычно.
- Ну, тогда быстро показываемся всем и уходим!

Дети встали и разошлись в разные стороны. Тона подошла к кучке девочек, привычным движением повернула голову, чтобы можно было разглядеть ее код на шее, и быстро обошла всех. Все в ответ тоже показали ей свои шеи и она быстро пробежалась глазами по кодам.

Всех девочек она хорошо знала, поэтому ей не составило труда понять, что на площадке сегодня всё как всегда - все ее подруги в сборе.

Тон тем временем уже бегал с мальчиками и тоже показывал всем шею, заодно разглядывая чужие коды.

Спустя какое-то время Тона увидела, что от компании мальчишек отделился один и пошел в сторону дома. Она тут же поняла, что это Тон и что он следует их плану, поэтому вскочила и побежала за ним.

Когда они встретились снова, Тон сказал:

- Хорошо, что мы тут появились! Наши все на месте, если бы я не пришел, это было бы заметно!

Тона ответила:

- Согласна! Но теперь у нас есть алиби, а значит, на какое-то время мы с тобой свободны. Пошли искать кулек!

Сорок глав

до битвы с пустотой

Они зашли в дом и тихо, на цыпочках, пробрались к кладовке, в которой мама хранила коляску, их коньки и ролики, а также разные ненужные вещи для дома, которые она считала очень нужными и выбрасывать не разрешала.

Достали кулек и снова стали разглядывать предметы в нем.

- Итак, мы знаем, что разгадка как-то связана с той башней. Значит, нам надо добраться до нее. Но по словам папы, а папа в таких делах не ошибается, башня находится за двести фараметров. Чтобы пройти их, понадобится целый день, и еще один день уйдет на обратную дорогу. Так надолго исчезать из города нельзя. В школе точно заметят наше отсутствие, и мама с папой ни за что на это не согласятся, - рассуждал Тон.
- Да и оставить маму одну в такой ситуации будет неправильно. Ей сейчас так нужна наша помощь, ты же сам видишь, как она переживает, - грустно согласилась Тона.

- Но должен же быть хоть какой-то выход! Мы не можем сидеть сложа руки! А вдруг еще можно расколдовать его?
- Этот кулек уже однажды привел нас в башню. Я надеюсь, что оставшиеся вещи тоже неслучайные и подскажут нам путь. Помнишь, как неожиданно мы понимали, что сейчас их время? Давай засунем кулек в твой рюкзак и будем внимательно наблюдать за всем, что происходит вокруг. Может быть, в нужный момент мы разгадаем их смысл, и они помогут нам добраться до башни еще раз? - задумчиво произнесла Тона.
- Ну, так как другого плана у нас нет, то принимается этот. Клади кулек в мой рюкзак и побежали скорее домой, вдруг маме нужна помощь! - согласился Тон, и уже спустя минуту они бежали по лестнице, что вела к ним домой.

Тридцать девять глав

до битвы с пустотой

Прошел всего день с тех пор, как случилась эта загадочная история, но детям казалось, что прошли долгие месяцы. Раньше время летело, как ракета, день за днем, месяц за месяцем, они даже не успевали сообразить, как заканчивался Праздник Равносчастия и тут же начинался День Печальных Мыслей, хотя их разделяли целых полгода.

Бывало, что весной дети ложились спать, а когда в следующий раз при пробуждении обращали внимание на погоду за окном, там всюду бушевала осень с ее ледяными ветрами и колючими дождями. Или только надевали новый костюм, как вдруг замечали, что рукава уже коротки и в спине жмет.

Время в Одинсбурге почти не ощущалось, ведь никто не касался его. Жизнь была настолько ровной, что если бы кто-то начал чувствовать, как однообразно проходит время, точно бы сошел с ума от тоски. Из дня в день одно и то же, без радости, переживаний, забот - это могли вынести только люди, которые ничего не чувствовали.

Но так было раньше, до того, как с ребятами что-то случилось. В них проснулись эмоции, о существовании которых они прежде даже не догадывались. Поэтому вчерашний и сегодняшний дни так отличались от того, что было с ними до этого.

Они вдруг начали замечать, как отчаянно грустно на душе, когда близкий человек болен или напуган. Как бьется сердце, когда ты принимаешь решение помочь. Как радостно, когда чувствуешь, что ты не одинок в этом.

Поэтому когда дети вошли в комнату, они первым делом подбежали к маме, на руках которой спал Тотон.

- Мамочка, ну как он? - в один голос спросили ребята.

- Так же, - грустно вздохнула мама. - Все время на руках, стоит положить в люльку - начинает крутиться. Будто у него что-то болит внутри, но я не могу понять, что именно.
- Мамочка, тебе надо отдохнуть. У тебя такие уставшие глаза! Давай мы за ним посмотрим, а ты пока поспи, - предложила Тона.
- Ну что ты, спать в такое время? Это же не по правилам! Разве сейчас вообще можно заснуть, солнце же высоко!
- Мама, - строго, совсем по-взрослому сказал Тон, - тебе надо поспать, и плевать я хотел на правила. Уже понятно, что все сейчас не по правилам - и то, что случилось с Тотонам, и то, что происходит с нами.
- Иди, мамочка, - мягко обняла Тона маму. - Мы с него глаз не сведем, обещаем! А тебе нужны силы!

Мама аккуратно переложила Тотона в люльку и прижала детей.

- Спасибо, мои дорогие.. Мои хорошие.. Никогда прежде я не понимала, насколько вы у меня добрые и сильные. Да, я немного посплю и приду в себя, и тогда станет полегче, - уже зевая, договорила она и пошла в спальню.

Тридцать восемь глав до битвы с пустотой

Дети принялись качать Тотона. Им понадобилось много времени, чтобы устроить его в люльке поудобнее. Но наконец с его личика пропало выражение боли и недовольства. Сейчас он лежал спокойно и не выгибался.

Когда пришел папа, уже стемнело. Работали в Единбурге допоздна, домой не спешили, потому что заниматься приятными делами не очень-то умели, как и скучать по родным..

- Еле дождался конца рабочего дня, как же долго сегодня тянулось время! - устало сказал папа, а дети и мама, которая уже проснулась, кивнули в ответ. - И работать сегодня было так скучно, я чуть не уснул, пока считал ведомости.

Папа работал бухгалтером и считал деньги, но не потому, что любил цифры. Просто так распорядился Центр Порядка и Контроля - после школы он отправлял детей учиться дальше. Потом, когда они получали профессии, шли работать по направлению Центра. Зарплаты у всех были одинаковые, интересы - вернее, их отсутствие - тоже. Папа сейчас мог быть пекарем, учителем, водителем, но по решению Центра стал бухгалтером.

Вообще-то, папа втайне от всех мечтал строить удивительные дома из стекла, залитые солнечным светом, легкие, но крепкие. Он никогда никому в этом не признавался, понимая бессмысленность своих мыслей, но иногда, оставаясь один, читал сложные книги об архитектуре и разглядывал в них чертежи.

А к работе бухгалтера папа относился ровно - она не вызывала никаких эмоций. Он приходил на рабочее место, заносил цифры в тетрадь и уходил. Время пролетало незаметно - так было вплоть до сегодняшнего дня. Видимо, его тоже коснулись эти непонятные перемены, что происходили с детьми и мамой.

Это были не последние неожиданности на сегодня.

Впервые в жизни у мамы не был готов ужин, потому что она не успела его приготовить. Впервые в жизни папа и дети сами смастерили всем какой-то перекус - чай и неуклюжие бутерброды, которые от голода казались необыкновенно вкусными. И впервые в жизни никто не лег спать в положенное время - потому что маленький Тотон очень капризничал и хныкал.

Родителям пришлось потушить свет, и они в темноте, почти на ощупь, по очереди носили малыша на руках. От его громкого тяжелого дыхания старшие дети тоже не могли заснуть и допоздна крутились в своих кроватях.

Поэтому на следующее утро, несмотря на звонок будильника, все дружно проспали.

Тридцать семь глав до битвы с пустотой

- Мааам, - сонным голосом протянула Тона. - А почему ты нас в школу не будишь?

Но в ответ была тишина. Тогда Тона решила растолкать брата.

- Тон, вставай! Просыпайся! Нам, наверное, уже в школу пора.

Невыспавшийся брат с трудом открыл глаза.

- А сколько времени?
- Не знаю.

И вдруг они услышали мамин перепуганный крик:

- Проспали! Проспали!

Что значит проспали, дети даже не сразу поняли. Еще ни разу в жизни они не просыпали школу. Конечно, бывало, что мама с трудом поднимала их, но чтобы совсем проспать... Нет, такого прежде никогда не было.

Дети вскочили с кроватей и бросились наперегонки к часам, что висели в гостиной. Так и было - они проспали! Стрелки на часах показывали начало одиннадцатого, а уроки в школе начинались с девяти.

- Как проспали? Что проспали? Работу проспали? - в гостиную влетел папа, в пижаме и растрепанный.
- Бегом все собираться! - мама уже пришла в себя и скомандовала решительным голосом.
- Но что нам сказать в школе? - дети на ходу одевались, забыв про умывание и чистку зубов.
- Скажите, что часы сломались!
- Как сломались? В нашем городе же ничего никогда не ломается, потому что все чинят заранее.
- Скажите, забыли мастера позвать!
- Но мама, все знают, что мастера сами приходят, когда наступает время проверок.
- Скажите, что он приходил, а нас дома не было!
- Как же врать-то трудно! - с такой болью в голове воскликнул Тон, что все вдруг рассмеялись. Действительно, они толком даже не могли придумать ничего, потому что за всю жизнь с ними ни разу не случилось никаких передраг.
- Ну, я побежал! - папа пулей вылетел из спальни и уже почти исчез в двери, но мама успела его схватить за рукав рубашки.
- Стой! Ты только посмотри на себя. Ты как.. как... веник! - снова захохотала мама. Вид у папы действительно был жуткий - взъерошенные волосы, помятое лицо, неправильно застегнутая рубашка. И дети были ему под стать - каре Тоны превратилось в птичье гнездо из волос, штаны Тона одеты наизнанку.
- Так, всем срочно привести себя в порядок! Не забывают, наша задача - не привлекать внимание. А в таком виде, - мама смеялась без остановки - это будет очень сложно.

Наконец, все кое-как оделись и вышли на улицу. Мама с Тотоном на руках, который уже проснулся, стояла у окна и провожала их взглядом.

Тридцать шесть глав

до битвы с пустотой

Когда дети подошли к школе, их веселое настроение тут же развеялось. Ровные белые стены, начищенные окна, идеальный порядок в гардеробе - все это вдруг с тяжестью придавило их. Они со страхом побрели к своим классам.

Тона осторожно постучала в дверь и вошла в класс. Все - и учитель, и ученики - застыли. Никто не знал, как реагировать на это, ведь подобное ни разу не случилось в школе. Дети могли пропустить занятия, когда болели, их родители заранее звонили и сообщали об этом. Но опоздание - нет, такого школа еще не видела.

Тона подошла к учителю и показала шею, после чего испуганно опустила глаза.

ТТНА-2-3 - вымолвил учитель. Он обратился к ней не по имени, а по коду, и это был недобрый знак. - Почему ты опоздала в школу?

- Я.. простите, пожалуйста.. У нас сломались часы.

- Что? Этого не может быть!
- Так вышло, - еле слышно произнесла Тона.
- Это возмутительное нарушение порядка! И я, конечно, не намерен терпеть подобное! Садись на свое место, а после уроков я решу, что делать.

Тона, покрасневшая и напуганная, прошла к своей парте. Весь класс в полной тишине следил за каждым ее движением. Но как только учитель продолжил вести урок, все, как по команде, отвернулись и стали смотреть на доску.

Это были мучительно долгие уроки. Страх неизвестности переполнял ее. Ни одна подруга, ни один друг даже не кивнули ей сочувственно, хотя еще вчера они все дружили. Тона не понимала, как можно быть такими равнодушными - ведь это могло случиться с каждым из них, так неужели сейчас она не заслужила ни слова поддержки?

А в соседнем классе Тон думал о том же самом. Его тоже отругали и посадили за последнюю парту, запретив разговаривать до конца учебного дня. Да и что он мог сказать? Его друзья перешептывались, глядя на него.

Наконец, этот бесконечно долгий день закончился.

Тон и Тона встретились в кабинете директора школы, куда их привели учителя. Они ждали решения директора.

Тона еле сдерживала слезы от страха, и Тон всерьез опасался за нее. Не хватало еще расплакаться прямо на глазах у всех. В обычный день это делать было строго запрещено, плакать можно было только в День Печальных Мыслей. Он взял сестру за руку и крепко сжал - ему хотелось, чтобы она почувствовала, что он рядом, и успокоилась.

Директор вполголоса быстро посоветовался с учителями и обратился к ребятам:

- Вы нарушили одно из главных правил нашей школы. Вы посмели опоздать и тем самым практически сорвали урок. Это вопиющее преступление против порядка. По правилам, мы должны тут же сообщить в Центр Порядка и Контроля. Поэтому прямо сейчас вы отправитесь домой, а оттуда, вместе с родителями, на комиссию, которая внимательно разберется в ситуации.
- Но мы же просто опоздали! - тихо воскликнула Тона. Ее глаза уже блеснули, а губы дрожали.

Тон постарался спасти положение:

- Уважаемый директор, мы обещаем, что больше такого никогда не случится. Простите нас, пожалуйста.
- Что? Простить? Сегодня я вас прощу, а завтра вы потребуете вас пожалеть? И что тогда? Я должен буду жалеть, сочувствовать? Вы что, хотите вернуться в прежние темные времена, где люди от жалости нарушали правила и начинался

хаос? Не бывать этому! Во имя нашего спокойствия и порядка я приказываю вам с родителями немедленно явиться на комиссию!

Тон сначала услышал сдавленные рыдания, а потом с ужасом посмотрел на Тону - она плакала навзрыд, закрыв лицо ладошками. Все остальные тоже смотрели на Тону. Повисла тяжелая пауза, которую прервал директор:

- И это тоже обязательно стоит рассказать Комиссии. Я никогда прежде не видел подобного. И надеюсь, что больше не увижу.

Тон взял Тону под руку и вывел ее из кабинета. Учителя молча шли за ними. Деваться было некуда - им пришлось идти домой.

По дороге они думали об одном и том же - почему им раньше казалась собственная жизнь такой спокойной и понятной? Почему сейчас они видят только жестокость и равнодушие? Что с ними случилось? И - самое главное - что будет дальше?

Тридцать пять глав до битвы с пустотой

Остановившись у двери своего дома, дети замерли. Они бы отдали все на свете, чтобы сейчас оказаться где угодно, только не здесь. Страх разоблачения Тотона мучил их гораздо сильнее, чем беспокойство о собственной судьбе. Но деваться было некуда: под молчаливыми взглядами учителей им пришлось позвонить в звонок.

Дверь открыла мама. Одного взгляда ей было достаточно, чтобы все понять. Ее дети в опасности, и она с Тотонам в опасности. И придумать выход из этой ситуации она не могла.

- Ваши дети опоздали в школу, тем самым нарушили одно из главных правил против порядка, - ровным голосом сказал один из учителей.
- Я знаю.. Простите, это я виновата. Будильник не сработал, я вовремя не пригласила мастера.
- Этим займется Комиссия. Наша задача - доставить вас туда.
- Но послушайте... Мы же всегда все делали по правилам, у нас ни одного нарушения, зачем же сразу на Комиссию?
- Вы что, хотите ослушаться приказа? Собирайтесь, иначе мы вызовем Комиссию прямо сюда. И где ваш муж?

В этот момент на лестнице послышались шаги и спустя мгновение показался папа в сопровождении двух человек. Судя по растерянному выражению, его опоздание тоже не осталось незамеченным. Он кивнул жене и детям и тихо сказал:

- Нам лучше слушаться и делать, что они говорят.

Мама попыталась улыбнуться детям, чтобы поддержать их, и пошла собирать Тотона. Все остальные стояли в дверях и ждали.

Когда они выходили из дома, мама попробовала усадить младшего сынишку в коляску. Но Тотон стал избегаться и уворачиваться. Маме никак не удавалось с ним справиться и на помощь пришел папа. Вместе они с огромным усилием усадили его и пристегнули ремешками. Все это время учителя и сотрудники с папиной работы, не отрывая глаз, смотрели на Тотона.

Центр Порядка и Контроля находился в пятнадцати минутах ходьбы от их дома.

О, это была довольно странная церемония: дети шли впереди, следом папа и мама везли коляску с ребенком, замыкали шествие их сопровождающие, которые, конечно, были абсолютно такими же, как папа. С ходу разобравшись, что их везли на Комиссию, было сложно, поэтому редкие прохожие почти не смотрели в их сторону.

Добравшись до нужного места, родители улучили момент, когда на них никто не обращал внимание, и крепко взяли детей за руки.

- Наши дорогие, смелые ребята! Мы не знаем, что будет со всеми нами, - голос папы дрогнул. Сейчас он не был похож на остальные голоса вокруг - он был словно горный ручей, живой и настоящий. - Мир оказался совсем не таким, каким мы его представляли. И вы первые это поняли. Я думаю, все произошедшее с вами не случайно! Поэтому я прошу вас об одном - слушайте только свое сердце! И если вдруг у вас появится возможность раскрыть тайну всего случившегося - действуйте, не упускайте шанса! Иначе, боюсь, мы все обречены...
- Но папа, - тут даже Тон не выдержал и заплакал, - что все это значит? Что с нами могут сделать?
- Я не знаю, мой дорогой сын. Мне казалось, что мы живем в самом прекрасном городе на свете, где нет горя и войн. Мне казалось, что отсутствие эмоций сделало нас сильнее. Но сейчас я понял, что все это обман. И что люди без эмоций не стали лучше. Я не знаю, что будет с нами, но я счастлив, что увидел вас другими - такими открытыми и добрыми.
- А ну прекратить разговоры! - прикрикнул на них один из охранников. Они все стояли в просторном коридоре, который был окрашен в традиционно бело-синие цвета и больше не имел никаких особенностей. В коридоре было множество одинаковых дверей. На них не было никакого обозначения, номера, звонка, и все они были закрыты.

Тотон тем временем продолжал крутиться в коляске и хныкать, и от этого плача тишина вокруг становилась еще тяжелее. На маму было жалко смотреть - бессонные ночи сделали ее лицо таким уставшим. Было видно, как болит ее душа за больного ребенка, которому она не могла ничем помочь.

Тридцать четыре главы

до битвы с пустотой

Вот одна из дверей распахнулась и охранник подтолкнул к ней папу. Папа взял детей за руки, кивнул маме, которая держала Тотона, и шагнул вперед.

Это была большая светлая комнат, совсем без мебели, кроме одного длинного стола, за которым сидели пять мужчин.

Они, как и остальные жители города, были совершенно одинаковые, только по морщинам было понятно, что все они гораздо старше папы.

Это была комиссия.

- Перед нами семья нарушителей порядка, - заговорил один из мужчин, тот, что помоложе. - Эти люди сегодня проспали школу и работу. Мы все знаем, что беспорядок начинается с мелочей. Одно опоздание только кажется пустяком. На самом деле, опоздание способно разрушить все. Сегодня вы опоздали, завтра не захотели пойти на работу, послезавтра вдруг решили, что вообще хотите заниматься чем-то другим. А если каждый опоздает и потом не захочет работать, наше спокойствие окажется под угрозой. Люди начнут сомневаться, требовать перемен, а там недолго и до погромов и забастовок. И наш идеальный мир рухнет. На его место придут разрушения и войны, вы этого хотите?
- Нет, нет, что вы! - поспешил ответить за всех папа. - Это было всего один раз, и я обещаю, что больше не повторится!
- Вы хотите, чтобы я проявил жалость? Понимание? Сочувствие? Это худшие из чувств, и, к нашему счастью, мы на них больше не способны. Зачем жалеть нарушителей порядка? Для чего сочувствовать тем, кто угрожает нашему городу? Почему я должен понимать тех, кто не уважает наше спокойствие?

В этот момент Тотон, что был у мамы на руках, видимо, утомившись окончательно, снова стал выгибаться. Мама в отчаянии посмотрела на папу, он поспешил на помощь, но было понятно, что ребенок устал и отвлечь его невозможно.

- Успокойте ребенка! Я приказываю вам! - грозно сказал один из участников комиссии.
- Мы.. мы не можем, - изо всех сил сдерживая слезы, сказала мама. - Он.. нездоров.
- Что? Почему вы не вызвали доктора?
- Мы вызывали, но доктор не знает, что с ним, - еле слышно ответила мама.
- Что значит "не знает"? В нашем городе все болезни давно изучены, он что, не может выбрать одну из них? Срочно разыщите этого доктора и приведите его сюда, - комиссия отдала приказ охраннику.

Ожидание доктора было настоящим кошмаром. Тотон продолжал плакать, мама с папой ничего не могли с ним поделать, а комиссия и охранники равнодушно смотрели на них.

Тридцать три главы до битвы с пустотой

Наконец, распахнулась дверь и охранник завел доктора. От охранника его отличал только чемоданчик в руках и испуганный вид. Начался допрос.

- Эти люди сказали, что вы осматривали ребенка и не смогли сказать, чем он болен. Это так?
- Да, так. Поймите, его состояние не подходит ни под одну из наших десяти болезней.
- Почему вы сразу не доложили в Центр Порядка и Контроля?
- Я... надеялся, что смогу что-то придумать и ему станет лучше.
- Вы такой же нарушитель порядка, как и они. Вы совершили преступление и понесете за него наказание.
- Но как же.. Я же доктор! Я должен помогать, а этот ребенок нуждается в помощи!
- Вы действительно считаете, что из-за одного ребенка мы можем рисковать нашим спокойствием? А что, если все остальные дети станут такими? Что тогда? Кто понесет за это ответственность?
- Я не думаю, что это состояние заразно и опасно для окружающих. Просто к этому ребенку надо найти особый подход.
- Что за чушь вы несете! Как только мы начнем кого-то выделять, наше спокойствие рухнет! Все начнут требовать к себе особенного отношения! Вы хоть представляете, куда это может привести? Нам придется всем угождать, подстраиваться, уступать!
- Но это же всего-навсего ребенок, - безнадежно вздохнул доктор.
- Вот именно! Рисковать нашим будущим ради одного ребенка? Вы все стали жертвами эмоций и вас надо немедленно обнулить!
- Нет! - вскрикнула мама и заплакала.
- Нет! - сжал кулаки, чтобы не выдать своих чувств, папа.
- Нет! - испуганно воскликнули дети и взялись за руки еще крепче.
- Нет! - еле слышно произнес доктор, которого дома тоже ждала жена и двое детей.
- Но прежде вы все, включая этого ребенка, проведете весь день и всю ночь на главной площади. Я хочу, чтобы все жители города увидели, что происходит с нарушителями порядка! Я хочу, чтобы все знали, что в нашем городе нет места странным и непохожим. Завтра, ровно в полдень, мы обнулим вас и загрузим стандартную программу. Вы забудете все, что с вами было, и сразу после обнуления вас разлучат. Вы, - самый старый участник комиссии ткнул пальцем в направлении мамы и папы, - будете разлучены и никогда не вспомните друг друга. Ваши дети будут отданы в другие семьи. Ваш дом отныне перестает

быть вашим домом и достанется тем, кто уважает наши порядки. А вы, - старик обратился к доктору, - больше никогда не увидите свою семью. Потому что вы все представляете угроза нашему обществу. Увести их!

Дети заплакали, мама с папой в оцепенении молчали, а доктор бормотал что-то так тихо, что было невозможно разобрать ни слова.

Охранники подхватили всех под локти и вывели обратно в коридор. Они прошли по длинному узкому переходу и оказались на главной площади. Семью и доктора подвели к главному фонтану и оставили стоять на месте, которое было обведено синей краской. Как только охранники сделали несколько шагов назад и махнули головой, видимо, подавая кому-то сигнал, вдруг ровно по синей линии на земле возникло ограждение. Оно было совсем как стекло и уходило высоко в небо, достаточно тонкое и прозрачное, чтобы видеть и слышать происходящее вокруг, но и настолько плотное, что не стоило даже пытаться его разбить.

Тридцать две главы до битвы с пустотой

Дети и родители с доктором стояли внутри этой высокой, до самых облаков, стеклянной клетки и смотрели по сторонам. Вскоре вокруг нее стали собираться люди. Все смотрели на них и шептались, а когда указывали пальцами на Тотона, еще и смеялись.

Здесь особенно было заметно, как Тотон отличается от остальных. Он не мог сидеть и ходить, выражение лица у него было особенным, он смотрел куда-то внутрь себя. Мама и папа старались спрятать его за собой, но это не помогало, люди за стеклом тут же переходили на другую сторону и снова разглядывали его.

Тон и Тона от усталости молча сели на землю, прижавшись спиной к стеклу. Им хотелось заткнуть уши и не слышать эти разговоры вокруг. “А что с ним?”, “Какой он странный”, “Таких надо обнулять сразу”, “Какой от него толк?”, “Что вообще это за семья, раз в ней родился такой ребенок?”

И с каждой минутой зрителей становилось все больше. Они уже заполнили всю площадь и улицы, прилегающие к ней, и ступени магазинов, а некоторые умудрились даже залезть на козырьки подъездов. Люди говорили негромко, без особых эмоций, и от этого нашим героям становилось особенно жутко. Эти тихие, но недобрые разговоры сливались в один общий поток шума, тяжелого настолько, что казалось, будто с минуты на минуту лопнут барабанные перепонки.

Одинаковые люди говорили одинаково жестокие слова. У всех до одного некрасиво искривились лица и сжались кулаки.

- Знаешь, что самое странное, - зашептала Тона, прижавшись губами к уху брата.

- Самое странное то, что на нашем месте мог оказаться кто угодно! А мы бы стояли сейчас за этим стеклом с такими же лицами и травили его. Мы бы даже не почувствовали, насколько ужасно и жестоко все происходящее.

- Я тоже об этом думаю, - хмуро ответил Тон. - Нам всегда внушали, что из-за эмоций человечество пришло к катастрофе, начались беспорядки и войны. Но посмотри туда - кажется, будто это манекены сбежали из магазина одежды! Они же ничего, совсем ничего не чувствуют! Прикажи им сейчас затоптать нас - они даже не задумаются, бросятся и раздавят! Так чем же мы лучше тех людей, что жили до Обнуления? По-моему, когда мы ничего не чувствуем, мы просто перестаем быть людьми!

И в этот момент, словно в ответ на слова Тона, где-то внутри толпы вдруг послышалось слово “об-ну-лить”, сказанное громко и четко, по слогам. И тут же его подхватили остальные. За пару мгновений слово вдруг набрало силу и стало ощутимым, как порывы ветра в плохую погоду.

“Об-ну-лить! Об-ну-лить” - несло слово над площадью, заглядывая во все трещинки, влезая под камни, проталкиваясь между кусками черепицы, оставаясь на дне карманов одежды.

“Об-ну-лить! Об-ну-лить!” - ровно скандировали люди, и безразличие, что застыло на их лицах, теперь оттенялось ненавистью и жестокостью.

Дети с ужасом смотрели за стекло, не в силах отвести глаз от этого зрелища - они всерьез готовы были поверить, что это не жители города, а армия бездушных роботов.

Тридцать одна глава до битвы с пустотой

К концу дня вся площадь была заполнена людьми. Обнуления случались редко, а такого - напояз, публичного - и вовсе было не припомнить.

Люди привыкли жить по новым правилам. Сразу после Обнуления еще были протесты, но Центр Порядка и Контроля научился их блокировать. Как - никто не знал. С тех пор истории про наказания и Обнуление обросли жуткими деталями и подробностями, ими пугали детей, про них шепотом говорили взрослые. Однако никто до конца так и не знал, было ли все рассказанное правдой.

Но сейчас, когда наши герои оказались заперты в огромной стеклянной камере прямо посередине главной площади, вопросы один за другим возникали в их уставших головах.

Что вообще такое Обнуление? Сколько людей через него прошло? Учитывая, что память стирается и люди не могут сами рассказать о себе, есть ли среди знакомых ребят обнулившиеся? Если да, то что они натворили? Если нет, то неужели всю семью

сейчас готовы обнулить только из-за того, что у них появился особенный ребенок? В чем суть этого преступления? И что с ними будет дальше?

Шум снаружи камеры не смолкал - напротив, казалось, что весь город дышит только в одном ритме: "об-ну-лить". Толпа не двигалась, не кричала, не толкалась и не ругалась - но от этого было особенно страшно.

Когда на улице немного стемнело и раздался бой часов на старой часовне, оповещающий, что пора готовиться ко сну, люди, наконец, стали расходиться. Уставшие родители, дети и доктор кое-как попытались пристроиться на ночевку, но улечься поудобнее на холодных камнях было довольно трудно. Однако усталость взяла свое. Даже маленький Тотон, что последние ночи спал плохо, засопел в своей коляске. Дети укрылись в объятиях родителей, доктор положил голову на свой чемодан и уснул, не переставая что-то бормотать себе под нос и тяжело вздыхая.

Но Тон не мог заснуть. Он слышал мамино дыхание и папины покашливания, видел, как дрожат веки у сестренки - и все это не давало ему уснуть. Как будто было что-то важное, что он упустил, просмотрел, забыл. Он снова и снова прокручивал в голове события последних дней, пытаясь найти зацепку.

Итак, их брата Тотона похитил какой-то старик. Дал ему выпить непонятную жидкость, после чего малыш перестал быть как все. Это не простая болезнь, иначе доктор смог бы вылечить. Тотону однозначно нужны уход и внимание. Сами дети, да и родители, почему-то изменились, они начали все чувствовать. Как будто проснулись после долгого сна. Но что именно было сном? Тот поход в башню или вся жизнь до него? Если поход в башню - то откуда взялись те предметы, найденные в кульке..

Предметы в кульке.. Предметы в кульке!

Тон аж подпрыгнул на месте. Но никто не проснулся, все слишком сильно устали. Тогда он осторожно выбрался из папиных рук, которые обнимали его, и наощупь стал осматривать вещи.

Школьные рюкзаки были тут. На один из них положила голову мама, на другой - Тона. Рюкзаки не вызвали ни малейших подозрений, ведь детей увели прямо из школы, поэтому никто даже не обратил внимания, что дети зашли в камеру вместе с ними.

Тихо, стараясь никого не разбудить, Тон вытащил рюкзак из-под головы Тоны и понял, что не ошибся - сразу, как только он засунул руку внутрь, он нащупал то, что искал.

Тридцать глав

до битвы с пустотой

В темноте было совсем ничего не видно, но содержимое кулька Тон знал уже наизусть.

Нащупывая очередную вещь рукой, он шептал:

- Это, похоже, очки, это - моток веревки, это - бутылек, скотч, молоток, фонарик... Да! Мне нужен фонарик!

- Тон, ты чего не спишь? - раздался шепот сестры.
- После Обнуления выплюсь, - угрюмо ответил Тон.
- Ох, как хорошо было спать! Во сне мы снова были дома, и все было как прежде...
- Как прежде уже не будет. Если мы не придумаем способ выбраться отсюда и все-таки попасть в старую башню, чтобы узнать ее тайны - будет Обнуление. Не знаю, как ты, а я вовсе не хочу потерять память и оказаться в другой семье. Никогда больше не обнять папу с мамой, не треснуть тебя.. Ладно-ладно, не злись, я пошутил. Я не хочу вас терять, поэтому сделаю все, чтобы найти разгадку. А вдруг это поможет!
- Так почему меня сразу не разбудил?

Тон тем временем уже достал фонарик и включил его. Мягкий, ровный голубой свет осветил все вокруг - и спящих родителей, и коляску с Тотом, и доктора, и стеклянные стены камеры. Охранников не было - высота стен была такая, что человеческому глазу было не по силам разглядеть край.

- Мы не сможем отсюда выбраться, пытаюсь перелезть через эти стены, - задумчиво сказал Тон. - Еще при свете дня я пытался разглядеть, где они кончаются - но не смог. Будто они уходят в самое небо.
- И сделать подкоп мы не сможем, - добавила Тона. - Мало того, что вся площадь покрыта камнями, так еще и эти стены плотно уходят под землю.
- Если нет дороги ни через верх, ни через низ - придется идти напрямую, - шепотом проговорил Тон, ощупывая стену.
- Разбить? Но так мы всех перебудим, - испуганно ответила сестра.
- Это не самое страшное. Хуже будет, если она вся разлетится на миллион осколков и порежет всех нас. Помнишь, так однажды было, когда я нечаянно попал машинкой в стекло шкафа?
- Это ты папе с мамой рассказывай про "нечаянно". "Моя машина нечаянно летела по воздуху и - ой, простите! - вдруг врезалась в шкаф". Я-то знаю правду! Ты в тот день сказал, что будешь первым в мире человеком, который запустит машину в открытый космос. Взял свою красную модельку, посадил туда игрушечного человечка и со всего размаху запустил в шкаф.
- Тссс, тихо ты! Какая разница, каким образом она там оказалась? Главное - последствия! Если мы сейчас попробуем разбить стекло - рухнут сразу все стены!
- Вот бы сделать дверь! Открыть и выйти!
- А это идея!
- Идея? Я вообще-то пошутила, Тон. Как мы сделаем тут дверь? Это невозможно!
- Ну, может, красивой двери с ручкой и глазком у нас и не выйдет, но проделать проход можно. Вытряхивай кулек, мне кажется, я кое-что придумал.

Дети вывалили предметы из кулька на камни и снова стали их перебирать.

- В общем, однажды я листал папину книгу - из тех, что он прячет в письменном столе. Ничего не понял, но картинки мне понравились. И там были нарисованы разные способы резки стекла - какими-то камнями, лазерами. А еще с помощью толстой веревки. Вот прям как эта!
- И как с ее помощью можно разрезать стекло? - удивилась Тона.
- Я до конца не уверен, конечно, но по-моему, ее надо смочить в чем-то горючем, приклеить на стекло и поджечь. В том месте стекло должно накалиться и дать трещину. А потом его осторожно выбить, - с видом знатока заявил Тон.
- Ничего себе план. Не знала бы я тебя - подумала б, что ты сумасшедший. Но так как я тебя отлично знаю - мне спокойно, ты и есть сумасшедший.
- Помогать будешь? Ищи среди предметов что-то, чем можно пропитать эту веревку.

Тона взяла бутылек, открутила пробку, поднесла к носу и тут же закашлялась.

- Ух, ну и запах! Если это не загорится, я очень удивлюсь!
- То, что надо! - и Тон стал засовывать один конец веревки в бутылек. Веревка на удивление легко входила в него и, наконец, в руках Тона оказался небольшой кончик.
- Готово! Теперь надо уже хорошо пропитанную этой жидкостью веревку как-то прилепить на стекло. Есть идеи?
- Конечно! А бумажный скотч нам на что? Только мои носки к кухонному столу приклеивать?
- Это было всего пару раз и очень смешно. Ты, кстати, пообещала не мстить, а сама залила майонез в тюбик зубной пасты. Это было ужасно!
- Ладно, давай клеить, ты размещай веревку как надо, а я буду сверху проклеивать скотчем. Не забудь оставить хвостик наружу, а то не сможем поджечь!
- И в кого ты такая умная? Хотя чего это я - конечно, в меня! За дело!

Тридцать глав

до битвы с пустотой

Со стороны могло показаться, что скачущий лучик света от фонарика и мелькающие тени - это какой-то трюк фокусников, что готовят представление для маленьких зрителей. Но на самом деле, это были дети, которые оказались в беде и теперь изо всех сил старались спасти себя и свою семью.

Тон и Тона приклеили пропитанную жидкостью веревку к стеклу, укладывая ее по периметру клетки. Хвостик оставили снаружи и теперь трясущимися от волнения руками пробовали поджечь его зажигалкой. Это удалось им не с первого раза, зато когда хвостик наконец загорелся, огонек лихо побежал по всей веревке.

Скоро она горела вся - большое огненное окно, которое могло стать спасительным выходом. А Тон перебирал вещи, обдумывая, чем бы лучше выбить стекло. Нужен был довольно тупой предмет, чтобы оно не раскрошилось, но при этом крепкий.

- Молоток! Вот что нам нужно. Он из дерева, а значит, есть шанс, что стекло не разлетится на кучу осколков от его удара.
- Но даже если мы аккуратно выбьем этот кусок стекла, он же упадет на каменный пол и все равно разобьется.
- Да, об этом я не подумал. Надо как -то его удержать. Эх, была бы ручка.
- Ее можно сделать! Помнишь, всегда когда у мамы засоряется раковина, она берет из кладовки вантуз и чистит ее. А мы с тобой однажды стащили его и прилепили к потолку...
- Он висел-висел, а спустя какое-то время упал вниз, как раз в тот момент, когда папа шел в ванную. И попал ему прямо по голове. За что нам тут же влетело...
- Ну, вантузом по голове получить никому бы не понравилось.. А вот идея закрепить им стекло - отличная!

Осторожно, стараясь не давить сильно, дети закрепили этот странный и смешной предмет прямо по центру стекла. Могли ли они когда-то подумать, что им придется выбираться из стеклянной клетки, в их родном городе, который грозит им Обнулением? И всерьез заниматься всем этим ночью...

Конечно, нет. Но они чувствовали, что нельзя сидеть сложа руки. Надо бороться за себя и своих близких.

Веревка тем временем прогорела. Тон взял деревянный молоток и начал постукивать им вдоль веревки. Тона держала двумя руками вантуз, чтобы в случае чего не дать стеклу упасть.

От напряжения лбы у обоих покрылись потом, хотя ночь была довольно холодной. Ребята не разговаривали, действовали сосредоточенно и напряженно. Благодаря тишине скоро они услышали, что постукивание стало звучать по другому - как-то рассеянно.

- Держи как следует! - только и успел шепнуть Тон, как после очередного удара молотком стекло вдруг начало шевелиться. Тона еще крепче схватилась за вантуз и осторожно потянула его на себя.

Их план сработал. Стекло достали без единого осколка. Путь из стеклянной камеры был свободен.

- А правильно ли мы поступаем, оставляя здесь родителей и Тотона? Может, надо разбудить их и всем вместе сбежать? - вдруг засомневалась Тона.
- Я тоже думаю об этом.. Но помнишь, что сказал папа? Что если у нас появится шанс узнать правду - надо действовать. И что, возможно, именно нам суждено найти разгадку. Если мы сейчас всех разбудим и поведем за собой, им

придется нелегко с маленьким Тотонам. Думаю, нам надо рискнуть и попробовать самим найти старую башню и старика. И вернуться, чтобы спасти родителей.

- Мне так страшно... - заплакала Тона. - А вдруг мы ничего не узнаем и сделаем только хуже?
- Зачем думать о том, что еще не случилось? Есть ты и я, и выход из этой камеры, и предметы, которые ведут нас. А значит - надо идти вперед!

Быстро собрав в рюкзак все вещи, разложенные на каменном полу, дети с грустью еще раз посмотрели на маму с папой и маленького Тотона, и доброго доктора, который по-прежнему что-то шептал во сне - и осторожно, чтобы не порезаться, вылезли из камеры.

Двадцать девять глав

до битвы с пустотой

- Надо выбраться за город, - шепнул Тон и побежал в сторону леса. Тона не отставала от него, и, когда они уже совсем запыхались, с радостью поняли, что до леса осталось совсем немного. Им навстречу не попался ни один случайный прохожий, уличный гуляка или чей-то припозднившийся гость. В городе Одинсбурге в ночной час спали все, кроме наших ребят.

Выбравшись из города, они остановились перевести дух.

- Мне до сих пор не дает покоя вопрос, как в прошлый раз мы добрались до башни? Ведь папа сказал, что туда-обратно - два дня пути. А мы уложились в несколько часов. Как такое может быть? - задумчиво сказал Тон.
- Что мы делали перед тем как попали в башню?
- Помню, что рассматривали часы, да так и не поняли, как они работают.
- Доставай их. Надо еще раз внимательно изучить.

Как только ребята ни крутили в руках часы, разгадать странный бег их стрелок они не могли.

- Такое ощущение, что они ходят сами по себе.
- Мне это напоминает ту любопытную штуку, которую я как-то видел у папы. Компас, что ли? Это такие часы, которые показывают не время, а направление. Папа говорил, что после Обнуления они сбились, потому что все раз-маг-ни-ти-лось. Ха, как я вообще вспомнил это слово? Слышал-то только один раз в жизни!
- А что оно значит?- спросила Тона.
- Не знаю. Папа говорил, что стрелки показывают направление, потому что на них действуют магнитные поля Земли. Помню, я даже специально сбегал на поле неподалеку, чтобы проверить - магнитное оно или нет.
- Так, я совсем запуталась. Но если эта штука тоже раз-маг-ни-ти-лась, может, ее можно снова намагнитить?

- Не знаю. Давай посмотрим остальные предметы - вдруг подсказка там?

Ребятам пришлось снова достать фонарик и высыпать вещи из рюкзака на землю. Они перебирали их один за другим, и когда Тон взял в руку монету, стрелки на часах вдруг замерли. Он поднес монету еще ближе - и они послушно стали вращаться по кругу.

- Кажется, работает! Эта монета будто управляет стрелками. Поднеси еще ближе! - громко зашептала Тона. Тем временем стрелки крутились все быстрее и быстрее, и уже в следующее мгновение, не успела Тона и глазом моргнуть, они вновь оказались по другую сторону леса - у самой башни.
- Получилось! - крикнул счастливый Тон.
- Мы на месте! - подхватила Тона, и они дружно запрыгали от радости.

Двадцать восемь глав

до битвы с пустотой

В темноте ночи башня выглядела совсем по-другому, не так, как днем. Ее стены из гладких отполированных камней отражали луну и казались бездонными, как десятки колодцев.

Ребята едва дышали от страха. Каждый шорох казался громким и пугающим, любая тень напоминала чудовище.

Они тихо подкрались к двери и стоило им только коснуться ее - она вновь открылась. Дети зашли в башню и дружно развернулись, чтобы убедиться - так и есть, дверь закрылась за ними.

В башне светились те самые фонарики, которые им так понравились в прошлый раз. И снова от их света, такого теплого и мягкого, как будто зефирного, они почувствовали себя в безопасности.

- Пошли, - недолго думая, сказал Тон и неожиданно взял сестру за руку. Тона крепко сжала его ладонь и пошла вслед за братом по скрипучей старой лестнице.

Уже на полпути стало понятно, что наверху кто-то есть. Этот кто-то... напевал песню. Не ту, что любил весь город и дружно пел на Празднике Равносчастия. Эта песня была совсем другой - чуть грустной, протяжной, но все равно милой и доброй. Слов было не разобрать, но мелодия будто обнимала, укачивала, гладила по спине и целовала в затылок. И казалось, звала за собой.

Оставалось сделать буквально шаг, чтобы очутиться на верхней площадке. Ребята застыли в нерешительности, как вдруг прямо на них накинлось какое-то существо. От неожиданности Тон и Тона дружно заорали и хотели было броситься вниз по лестнице, но существо заговорило, и они рассмотрели в нем того самого старика.

- Ой, простите! Я думал, что достаточно хорошо выгляжу для своих лет. И что люди не будут кричать от страха при встрече со мной. Возможно, я ошибался, и мне стоит почаще ходить к парикмахеру. Я вовсе не хотел вас испугать! Я хотел вас попросить чуть быстрее идти - я человек хоть и симпатичный, но не совсем молодой. А от раскрытой дверцы изрядно поддувает, что совсем не нравится моей спине. Она потом ноет и жалуется целый день, а слушать эту зануду никак невозможно. Поэтому я и прошу - поднимайтесь скорее и давайте уже прикроем дверцу. Всё-таки сквозняк в моем возрасте еще никому не шел на пользу...

Продолжая еще что-то бормотать и причитать, старик пропустил детей на верхнюю площадку башни и закрыл за ними дверь.

- Вы устали? Вижу, что устали. Вам бы отдохнуть пару минут. Жаль, что в моей башне совсем мало места. Разве что сундук. Присаживайтесь! - кивнул старик детям.
- На сундук? - постарался вежливо спросить Тон, который неожиданно действительно почувствовал такую слабость, что испугался за свои ноги: не подкосятся ли?
- Хе-хе, да прямо в сундук и садитесь, - ответил старик.

Ребятам снова стало не по себе. А вдруг это ловушка? Быть может, старик знает, что они не в первый раз здесь и что сейчас пришли выяснить всю правду? Неужели он хочет заманить их в сундук и запереть там?

Ребята молчали и не двигались. Старик гремел сковородками и кастрюлями, удивительным образом уместающимися на крошечной кухонной плите. Он то и дело подносил к носу какие-то кульки, нюхал их содержимое, доставал пальцами щепотки специй и бросал в свои кастрюльки, помешивая их при этом ложкой с очень длинной ручкой. Вдруг обернулся, увидел, что дети так и стоят на месте, и снова махнул рукой в направлении сундука:

- Идите, отдохните. Вы столько времени на ногах, даже с моим мощным магнитным ускорителем дорога до Башни занимает много времени. Вам надо набраться сил, назад можно выбраться только через портал пустоты, а это та еще выматывающая прогулочка.. Ну вы знаете...

С каждым его словом дети чувствовали, будто их зарядка окончательно садилась. Уже через мгновение путь в два шага до сундука казался непосильным - руки и ноги совершенно отказывались двигаться. Им действительно надо было отдохнуть.

Они подошли к сундуку и с трудом открыли крышку. Тона забралась первая, следом залез Тон. И стоило им только сесть на дно сундука, как крышка, большая и тяжелая, сама закрылась. Наступила темнота.

Двадцать семь глав

до битвы с пустотой

А в это время где-то на краю мира уже вовсю потягивалось солнышко, и его предрассветные лучики немного подсветили и одинаковые - с белыми стенами и синими крышами- дома Одинсбурга, и ровные улицы, и часовню.

Обычно в такие часы сон особенно сладок, но когда ты лежишь на полу из холодных камней, а сердце все еще сжимается от пережитого ужаса, не долго-то проспишь. Поэтому сначала папа, потом мама с Тотом, а потом и доктор стали беспокойно крутиться с боку на бок. Прошло еще совсем немного времени и стало понятно - все проснулись, спать больше никто не мог.

- Где дети? - со страхом воскликнула мама.
- Дети? Дети! Тон, Тона! - стал звать их папа.
- В клетке, кроме нас, никого - тихо прошептал доктор. Он не просто оглядел каждый угол, но и прощупал руками, словно боялся, что глаза его обманывают.
- Смотрите, здесь проделан выход! Скорее всего, у них получилось выбраться наружу, а потом они снова заклеили его.

Родители и доктор внимательно осматривали проделанный ход - действительно, выбраться из клетки дети могли только через него. А это значит, что смогут выйти и они.

- Может, и нам сбежать? - зашептала мама.

Папа и доктор смотрели на выход, который был прямо перед ними, и молчали. Первым заговорил папа:

- Но куда мы побежим с Тотом? Еды для него осталось ровно на два кормления. С коляской мы не сможем двигаться быстро, к тому же надо будет действовать очень тихо и осторожно. Мы слишком заметные, нас тут же увидят и сообщат в Центр Порядка и Контроля.
- Да, да. Будет только хуже. Так есть хотя бы слабая надежда на помилование, ведь мы ни в чем не виноваты. Но если мы сбежим, все будут считать нас преступниками, - поддержал папу доктор.
- Но это реальный шанс выбраться отсюда, - тихим слабым голосом сказала мама.
- Я не готов так рисковать, - ответил доктор. - Что мы будем делать? Куда пойдем? Где найдем убежище? Что мы знаем о мире вокруг? Кто нам поможет?
- Но дети смогли! Они сообразили, как выбраться отсюда, и не побоялись сбежать! А мы, взрослые, боимся!
- Мы не боимся, - сказал папа. - Мы просто мыслим реально. Дети - молодцы, я горжусь ими, они все сделали правильно, потому что смогут что-то придумать, затеряться в толпе, спрятаться. А где спрячемся мы? С больным ребенком, которому нужен уход?

Мама ничего не ответила. Она бесшумно плакала, ее выдавали дрожащие плечи и слезы, что текли сквозь пальцы, за которыми она скрывала лицо.

Тут маленький Тотон снова стал хныкать и крутиться, выгибаясь в своей коляске, словно ни одно положение ему не нравилось и доставляло боль. Мама с папой по очереди старались его успокоить, предлагая то воду, то бутылочку со смесью, но ничего не получалось. От усталости и беспомощности они стали ссориться, чего до сих пор с ними ни разу не случилось.

- Не надо его качать так сильно, ты его только раздражаешь этим! - со злостью сказала мама.
- По-моему я не его, я тебя раздражаю, - устало отмахнулся папа.
- Еще бы! Если бы ты не потащил меня тогда гулять с этими своими одинаковыми друзьями, мы бы не оставили детей одних и ничего бы этого не случилось! - воскликнула мама со слезами на глазах.
- Так не ходила бы! Но что-то я не помню, чтобы ты сильно возражала!
- А какой толк возражать, если все равно все будет так, как всегда! Я и сама не знала, чего я хочу, а чего нет. Но, если честно, мне никогда не нравились эти однотипные гулянки с одинаковыми друзьями! Вечное заглядывание в шеи, одна и та же песня, одни и те же несмешные шутки! Как я вообще терпела это всю жизнь?
- Не ты одна. Мне тоже никогда не нравился ни этот шумный праздник, ни нарядный костюм - мне вообще он всегда натирал спину, я еле ходил в нем! На самом деле, я бы лучше уехал с тобой и детьми за город, ловил бы рыбу в реке, разводил костер, строил шалаш..
- Это ты в своих секретных книгах вычитал? Я даже не знаю, что это такое, но звучит очень заманчиво... Прости меня, не знаю, что на меня нашло. Я так долго молчала и соглашалась со всем происходящим, что теперь у меня чувство, будто меня разрывает изнутри.
- Со мной та же самая история. Словно меня держали в тюрьме, а сейчас я на свободе, хотя, на самом деле, все совсем по-другому - мы сидим в стеклянной камере, и сегодня нас обнулят.
- Смотрите! - прервал их разговор доктор. - Люди стали просыпаться!

И действительно, настало время, когда стали просыпаться те, кому на работу положено было вставать раньше всех. Повсюду загорался свет в окнах и сквозь одинаковые занавески были видны одинаковые силуэты людей, которые готовились к новому дню.

Двадцать шесть глав

до битвы с пустотой

Наши герои - Тон и Тона - вместо того, чтобы лечь и отдохнуть, напротив, стали изучать сундук изнутри. Постепенно их глаза привыкли к темноте и стали замечать кое-какие детали. Удивительно, но сундук оказался настолько большим, что они даже смогли встать и размять ноги.

- Доставай из рюкзака фонарик! - прошептала Тона. - Я, кажется, что-то вижу!

Через пару мгновений луч света несколько раз подпрыгнул, потом словно научился вести себя прилично и заскользил по стене. Сундук изнутри был обклеен обоями, но не сероватыми, которые были во всех квартирах Одинсбурга, а разноцветными, с рисунками и фотографиями.

Ребята с восторгом рассматривали их, потому что до сих пор ничего подобного не видели. Огромная башня, которую словно взяли двумя пальцами за верхушку и потянули наверх. Невероятной красоты дома с чудными неровными окнами, будто волнами растекающиеся по стенам. Потрясающие соборы с разноцветными куполами. Замки, парки, сады, реки, моря... Дети так жадно рассматривали каждую деталь, торопились, боялись, что не успеют все запомнить. Все, что они знали о мире прежде, умещалось в две-три скучные картинки, и они могли только догадываться, существует ли все нарисованное на самом деле или это всего-навсего плод воображения талантливому художнику.

Обследуя стены, шепотом переговариваясь, они вдруг услышали какие-то звуки. Будто кто-то шел прямо к ним. Шаги слышались со всех сторон и казалось, что скоро сюда ворвется целая армия.

- Кто там? - испуганно зашептала Тона.
- Надо выбираться отсюда! - воскликнул Тон. - Это ловушка! Злобный старикашка заманил нас в нее! Скорее!
- Но как?
- Попробуем через крышку!

Но за время, которое ребята находились тут, сундук стал настолько большим, что дотянуться до его крышки было невозможно. Тон попытался взобраться по стене, но стоило ему только облокотиться на нее, как само пространство сундука перевернулось, стена оказалась полом, на котором уже лежал Тон, а Тона рухнула и больно ударилась.

- Что за фокусы! Больно же! Зачем ты перевернул сундук? - обиженно воскликнула Тона.
- Это не я! Вернее, я не специально! Я сам не знаю, как это получилось. Но давай выбираться, пока нас не нашли.

И дети поползли по стене к тому самому месту, где должна была быть крышка сундука. Шаги были слышны все громче и отчетливее.

- Мне кажется, они вот-вот будут здесь! Мы не успеем добраться!
- Не бойся! Главное, не оборачивайся, чтобы не случилось. Если они идут за нами, мы не должны паниковать.

Тона изо всех сил старалась слушать брата и не отвлекаться на шум вокруг, но, уже добравшись до крышки, не выдержала и на секунду обернулась.

Она успела разглядеть, как заволновались, задержались фотографии и картинки на стенах. Словно шторы на сквозняке, они то поднимались, то опускались. И вдруг, в складках этих фотографий, Тона заметила чьи-то ноги. Одну, вторую, рядом еще пару. Кто-то пытался пролезть в эти дырки в стенах, так ловко прикрытые фотографиями, что дети даже не заподозрили, что под ними есть проходы.

Тона поняла, что у нее есть ровно мгновение, чтобы удрать незамеченной.

Двадцать пять глав до битвы с пустотой

Крышка сундука была уже прямо перед ними. Дети одновременно надавили на нее. Она легко поддалась и приоткрылась. Свет, как густой сливочный соус, которым поливают шоколадный пирог, разлился из этой щелочки. А стоило им открыть крышку еще больше, как вокруг стало так светло, как в белоснежной кондитерской, где взбивают облака сливок, варят ароматную глазурь и лепят ажурные цветы из марципана.

Было светло настолько, что Тона, обернувшись назад, увидела только все тот же свет. Никаких людей и фотографий в нем было уже не разглядеть.

Выбравшись наружу, ребята все время жмурились, но как только их глаза немного привыкли, они посмотрели друг на друга и закричали:

- Ааааааааа! Кто ты?
- Ааааааааа! Где Тон?

Они смотрели друг на друга так, будто видели впервые. Хотя, надо признать, что такими они действительно видели друг друга в первый раз.

Тон оказался более худым и спортивным, чем раньше. Его волосы теперь были оттенка шоколада, а глаза напоминали две большие блестящие карамельки вкуса кофе с молоком. У него были красные щеки, мелкие веснушки и густые брови.

Тона же оказалась выше, отчего костюм на ней стал сидеть неуклюже. Руки торчали из коротеньких рукавов, а юбка оказалась чересчур мала.

У Тоны тоже были шоколадные волосы, но длинные, ниже плеч, и все в мелкие кучеряшки. У нее был красивый вздернутый носик и карие глазки-пуговки.

- Что с нами стало? - наконец придя в себя, спросила Тона. - Мы так изменились!
- Непонятно. Главное, что хоть живы остались. Ладно, мне так даже больше нравится. Кстати, твой код с шеи исчез!

- И твой тоже! Теперь надо понять, где мы оказались.

Они оглянулись по сторонам и поняли, что у этого нового измерения нет стен и потолка. Лишь пол, уходящий так далеко, что даже линию горизонта было невозможно разглядеть.

Как только они полностью выбрались из сундука, его крышка мягко закрылась и теперь ее и вовсе не было видно. Как будто бы вы приклеили белую аппликацию на белую бумагу, да так искусно, что сами не поняли, где теперь она находится. То же самое ощущали сейчас и ребята.

Постепенно их глаза привыкли в новому освещению и они стали замечать особенности этого пространства.

Например, что если наверху, там, где должны быть стены и потолок, все было однородное, без стыков и оттенков, то пол явно казался созданным из другого материала.

Он больше походил на стеклянный, но вел себя странно. Внутри него словно была жизнь, бушевали волны, взрывались фейерверки. Даже наступать на него было страшно - казалось, нога провалится, как в болото. Но наощупь он был тверд и прочен, поэтому Тон и Тона осмелились сделать несколько шагов в разных направлениях.

Двадцать четыре главы до битвы с пустотой

- Ничего. Ни стен, ни окон. Что за место такое? - прошептал Тон.
- Может, мы умерли? И попали на небо? Или куда там попадают люди после смерти?
- Будто не знаешь, после смерти происходит Обнуление, тело и все вещи человека выпаривают в специальной комнате, чтобы от них не осталось и следа.
- А душа? Вот то, что у нас с тобой внутри? Не ноги с руками, не уши с глазами, а то, что заставляет меня плакать при мысли о маме с папой и Тотоне? Что с ней происходит?
- Центр Порядка и Контроля утверждает, что души у человека нет, есть набор привычек.
- А ты по-прежнему веришь во все, что они говорят?
- Нет... Не верю... Но во что теперь верить - я не знаю. Все, что мы с тобой увидели за последние дни - это больше похоже на дурацкий сон или тот случай, когда я нечаянно выпил пузырек сиропа от кашля и меня всю ночь мучили кошмары.
- Да, поверить в гигантскую комнату внутри сундука как минимум глупо. Но во что-то же верить надо. Лично я буду верить в свои чувства. Это единственное, что у нас с тобой осталось. Зато я точно знаю, что сейчас мне страшно, но

гораздо сильнее страха желание спасти нас и родителей. И это единственное, в чем я уверена.

- Все-таки ты не такая глупая, как обычно выглядишь. Ладно-ладно, пошутил я, не обижайся. Я просто хотел сказать, что это хорошая идея - в момент, когда все неясно, верить хотя бы в себя.
- Пол тут какой-то странный, да? - Тона глядела себе под ноги, пол действительно, хоть и не двигался с места, выглядел ожившим.

Тон тоже внимательно рассматривал его. Он заметил, что в хаосе линий и кругов все же есть какой-то рисунок. Вот круг, от него расходятся лучи каких-то линий, дальше еще один круг, и еще один, потом все зеленое.

- Ничего не понятно, - пробормотал Тон и присел на корточки, чтобы лучше разглядеть все. В этот самый момент и рисунок на полу вдруг зашевелился, разъехался.
- Ты видела? - воскликнул Тон.
- Да, как будто пол приблизился к нам.

Тогда Тон еще ниже нагнулся, а рисунок на полу, словно среагировав на его движения, снова раздвинулся в разные стороны. Тона тоже присела рядом. Теперь они вместе смотрели, как прямо под их ногами по этим странным линиям и внутри кругов перемещались какие-то точки.

- Он будто нам помогает что-то разглядеть, - прошептала Тона, поглаживая пол.

Ребята пригнулись еще ниже и картинка приблизилась настолько, что вся эта мешанина точек и линий вдруг превратилась во что-то очень знакомое, понятное.

- Это же Одинбург! - в один голос воскликнули дети.

Двадцать три главы до битвы с пустотой

Перед глазами детей развернулся их город.

Круг оказался главной площадью, от которой во все стороны раскинулись улицы. Крошечные точки превратились в людей, что ходили по улицам и толкались на площади.

Проспекты, перекрестки, машины, часовня - дети знали наизусть каждый закоулок своего города, просто впервые видели его с такого ракурса, сверху.

Будь они поменьше, тут же бы подумали, что лежат на облаке, но все-таки не зря они ходили в школу. Они уже знали, что не бывает облаков, похожих на стеклянный пол. Но на чем именно они лежат и почему видят под собой город, в школе им тоже не объясняли.

- Если мы видим город, значит, можем увидеть и стеклянную клетку, - сказал Тон.

Ребята почти прилипли головой к полу, но картинка была недостаточно четкая.

- Надо еще приблизить! Но как?
- Не знаю, - вздохнула Тона, оперлась головой на локти, но они разъехались на скользком полу, от чего картинка снова начала двигаться.
- Ты видел?
- Изображение реагирует на наши движения! Давай попробуем руками приблизить его!

Тон проскользил руками по полу, словно нырнул в бассейн и теперь плыл вперед.

- Работает!

Ребята гребли по полу изо всех сил и со стороны это выглядело очень смешно, но им было не до смеха. Они уже заметили клетку посреди площади и хотели быстрее приблизить ее. Скоро они уже были от нее на высоте строительного крана, и чем лучше ее было видно, тем страшнее им становилось.

Их пугали даже не фигурки родителей в клетке, они стояли практически неподвижно, зато точки вокруг них все отчетливее превращались в людей, которые вели себя очень странно.

Казалось, на площади собрался уже весь город, но люди все подходили и подходили. Они занимали свободные места, стараясь пролезть ближе к клетке. От этого кольцо зрителей вокруг нее было настолько плотным, что даже при хорошем приближении выглядело сплошным пятном.

К этому моменту дети уже довольно умело обращались с картинкой, научившись ловкими движениями рук приближать нужный участок. Но они ничего не слышали и это мешало им понимать, что происходит по ту сторону.

- Нам нужен звук! Есть идеи? - спросила Тона.
- Нет, - грустно ответила Тона. - Стекло настолько плотное, что ничего не пропускает.
- Должно быть какое-то решение, должно, - сказал Тон и начал довольно странные эксперименты. Он то прикладывал ухо к стеклу, то отжимался, то тёр пол, то дышал на него. Тона с удивлением наблюдала за ним, но под конец не выдержала и расхохоталась. Тон сначала обиженно посмотрел на сестру, а потом тоже стал смеяться. Видимо, все напряжение этого дня, наконец, придумало, как ему вырваться наружу. Дети хохотали, сначала сдерживаясь, прикрывая себе рот руками, а потом уже во весь голос, со слезами на глазах, не в силах остановиться.

Смех разлетался по всему пространству, и постепенно пол стал вибрировать, как стеклянные фужеры в шкафу мамы, когда дети играли дома в мяч.

Это вибрации становились все сильнее и сильнее, и даже когда смех затих, они продолжались, да так сильно, что дети стали их видеть. Они были похожи на круги, что остаются на воде после дождя. Тон с удивлением рассматривал их и вдруг потрогал пальцем центр одного из кругов. Палец удивительно легко погрузился в пол, словно в растаявшее желе. С испугом Тон быстро одернул руку, и палец также легко вышел из стекла, как зашел.

- Так странно. Как твердое и прочное стекло стало таким мягким? Мы же ничего не делали, лежали и смеялись. Кстати, хорошо хоть вовремя остановились, туалета я тут не вижу, а от смеха долго терпеть не могу, сама знаешь.
- Вот только давай не вспоминать тот случай, когда ты шел домой в мокрых штанах, смеялся и плакал одновременно!
- А зачем сама вспомнила? Я же тоже могу вспомнить как ты засмеялась за столом так, что у тебя вермишель из носа вылетела!
- И попала тебе прямо в чашку с чаем! Ха-ха, стой, теперь уже и я хочу в туалет!
- Смотри! Ты смеешься, а стекло становится все мягче. Неужели оно так реагирует на смех?
- Ой, как вспомню, как ты потом бегал по квартире и орал, что у меня вермишель в носу выросла, это дико смешно было! Аааа, я правда уже еле терплю, стой, не смей больше!
- Смейся! Не останавливайся! Стекло такое мягкое, что туда запросто входит рука. Интересно, а что будет, если окунуться в него головой? Мы потом сможем выбраться или так и застрянем попой кверху?
- А если еще и описаемся, будет памятник писающим детям... Ха-ха, войдем в историю!
- Ух, видела? Я лицом туда нырнул и вынырнул! Кстати, там стоит такой шум! Как будто ты в ванне ныряешь под воду, а она еще из крана бежит. Попробуй!

Если бы у Тона и Тоны был телевизор или море рядом с Одинсбургом, они бы поняли, кого напоминают сейчас больше всего - аквалангистов, что плавают под водой в надежде встретить какую-нибудь особенно прекрасную рыбу.

Но ни телевизора, ни моря дети никогда не видели. Как не видели и рыб, кроме тех, серых и скучных, что вылавливали из реки и продавали в рыбном магазине.

Двадцать две главы

до битвы с пустотой

Едва макушки голов скрылись под стеклом, всё вокруг детей резко изменилось.

Из полной тишины, в которой они были до этого, Тон и Тона попали в мир звуков.

Видно по-прежнему было отлично - перед погружением картинка была настроена максимально четко и теперь они могли разглядеть даже носовой платок, что вот-вот выпадет из кармана мальчика, который, изо всех сил работая локтями, старался пробраться поближе к стеклянной клетке.

Но теперь дети еще и слышали все, что происходит под ними - напряженное дыхание этого мальчика, трение его рукавов о костюмы других зевак, шарканье ботинок о каменную площадь.

Стоило детям перевести взгляд на женщину, которая тоже изо всех сил пробиралась вперед, как они тут же начали слышать ее голос, крикливый и неприятный, что повторял одно и то же: “Обнулить! Обнулить!”

Куда бы ни посмотрели ребята, звук тут же перебрасывался и они слышали все, что сейчас происходило перед их глазами. Не сговариваясь, они тут же устремили свои взгляды внутрь стеклянной клетки, туда, где держали в неволе их семью.

Папа и мама тем временем старались унять Тотона, который, проведя ночь в коляске, видимо, чувствовал себя неважно. Он крутил головой в разные стороны, отбивался руками, хватал все, что протягивали ему родители, и швырял на пол. Родители то и дело вытирали ему ротик от слюней, глазки от слез, да и сами тоже украдкой смахивали слезы. Было отчего: то, что происходило сейчас за стенами клетки, выглядело жутко.

Сотни, тысячи одинаковых людей вплотную прилипли к стеклам: всем хотелось поглазеть на странного мальчика и его родителей, которых сегодня обнулят.

Жителей Одинсбурга не баловали событиями, и они практически не обладали эмоциями, но сегодняшний день стал исключением. Они рассматривали Тотона, громко выкрикивая все, что придет им в голову:

- Да он больной! Поломанный! Конечно, обнулить, чего тут думать!
- Он же совсем ничего не понимает! Какой от него толк? Обнулить!
- С ним даже играть нельзя! Не говорит, не слышит. Нам таких детей не надо! Обнулить!
- А если это заразно? И все дети станут такими? Обнулить срочно!
- Тогда и наших детей обнулят! И может, даже нас самих! Да он опасен для нас! Обнулить! Обнулить!
- И родителей обнулить! Бракованные они все, поломанные, раз таких детей рожают. Обнулить!
- Это же доктор там в углу сидит? Точно, доктор! Я его по чемодану узнал. Он уже заразился. Сидит, лицо руками закрыл и молчит. Его тоже обнулить!
- Точно, он с ними заодно! Значит, это точно заразно! Обнулить! Обнулить!

И чем больше новых подробностей находила толпа, тем громче и слаженнее несло над площадью бесконечное “Обнулить! Обнулить!”

Мама с папой уже не сдерживали слез. Они держали на руках своего ребенка - да, он был болен, он был не похож на остальных детей, из-за него их привычная, счастливая, размеренная жизнь рухнула. Но он был их ребенком, они чувствовали его кожей и даже в минуты смертельной опасности думали только об одном - как ему помочь? Как облегчить сейчас его состояние?

Доктор действительно сидел тихо и не шевелился. Казалось, что он спит, но это было не так. Он думал, вспоминал, взвешивал и шепотом разговаривал сам с собой.

- Этот ребенок совершенно точно отличается от других. Он болен, но чем, я не знаю. Однако его брат и сестра еще вчера были здоровы, мы до сих пор не чувствуем никаких перемен, значит, я могу сделать вывод, что это не заразно. Что же с ним? Понимает ли он нас? Чувствует ли то же самое, что и мы? Но главное - что же в самом деле делать с людьми, которых нельзя вылечить? Я с таким не сталкивался, о, как многого я не знаю!

Вдруг дети почувствовали, как на площадь налетел шум, наподобие того, что бывает в горах, когда горная река со всего размаху бросается в ущелье. Шум пронесся по крышам домов, до головокружения завертел медного петушка на шпиле часовни, растрепал всем девочкам и женщинам челки и сильно ударил по ушам Тона и Тоны, да так, что они оба вскрикнули.

Двадцать одна глава

до битвы с пустотой

- Я оглохла! - закричала Тона.
- Я тоже! Хотя нет, я же тебя слышу! - ответил Тон.
- Что за грохот? Но смотри, мне кажется, его слышим только мы! Люди стоят и никак не реагируют. Только укрываются от него, как от ветра.
- Выныриваем! Может, на поверхности что-то происходит?

И дети достали головы из мягкого вибрирующего стекла.

Все вокруг них резко изменилось. От стеклянного пола поднимался пар. Так бывает, если вылить кипяток в сугроб. Этот пар тянулся вверх, словно его засасывала огромная вытяжка, вроде той, что работает у мамы на кухне, когда она жарит серую и скучную рыбу из рыбного магазина.

Пар не просто тянулся, он весь кружился, завивался в небольшие вихри и торнадо, и зрелище это было настолько завораживающим, что дети не могли оторвать глаз, разглядывая его.

- Мне кажется, там проскакивают какие-то картинки, - почему-то шепотом сказал Тон. - Смотри сюда, например.

-

И он показал на ближайший столбик пара. В это мгновение он действительно превратился в понятный и четкий рисунок, как если бы это было облачко дыма, выпущенное искусным курильщиком.

Картинка не стояла на месте, она все колыхалась, двигалась, словно была живая.

На ней был дом, но не из тех, что всю жизнь видели дети в Одинсбурге. Маленький, с красивой крышей и трубой, крошечной дверцей и окошками. Картинка застыла на мгновение и потянулась наверх, к невидимой вытяжке, а следом за ней двигалась уже другая.

Дверца домика была открыта, и стоило столбику дыма шелохнуться, как на картинке появилась комната, которая, по всей видимости, находилась внутри домика.

И снова дым затянуло наверх, и снова ему на смену пришел новый, с новым изображением.

В крошечной комнатке стоял стол, вокруг которого собралась семья. Дети с трудом успевали разглядеть детали, но совершенно точно они увидели, что люди за столом были.. разными.

Толстый-претолстый мужчина, худенькая подвижная женщина с длинными волосами и в юбке в пол, самого разного возраста дети.

Картинка унеслась, а Тону и Тоне стало почему-то грустно, они так хотели рассмотреть ее поближе. Поэтому когда появилась следующая, они буквально впились в нее глазами.

На ней были лучше видны лица людей, они все казались грустными. И дети, и родители вытирали слезы рукавами своей одежды. Было понятно, что они плакали.

Пока картинки менялись, у наших ребят возникло очень странное чувство. Будто когда-то, давным-давно, они уже видели что-то похожее. Не в этой жизни, не в Одинсбурге, а в какой-то прежней. Следующая картинка только усилила это ощущение.

Они смотрели, как из дыма появилась все так же комната, только теперь стол и семью они видели вдалеке, а перед их глазами появился комод, на котором стояла фотография какой-то старушки.

Картинки быстро сменялись перед глазами детей, и постепенно они все поняли.

В этой семье странных разных людей была бабушка. И совсем недавно она умерла. Было видно, как дети любят ее, но она была такая старенькая и так много болела, что умирала с улыбкой на губах, как будто ждала этого, как иные ждут праздника.

Дети по очереди обнимали свою бабушку, прощаясь с ней. И ужин, который видели Тон с Тоной, был первым без нее. Оттого все грустили - они скучали по своей старушке.

Все это будто высасывалось из города, протаскивалось через стекло и улетало куда-то вверх. Как и сотни других картинок и эпизодов, которые парили вокруг, но которые дети уже не успели рассмотреть.

Наконец, последняя картинка затянулось в гигантскую невидимую вытяжку и снова наступила пустота.

- Я вот что подумал. Когда мы искали Тотона и прогуляли Праздник Равносчастия, то фейерверк смотрели из дома. И видели странные столбы света, что поднимались в небо. А теперь, получается, мы увидели, что с ними происходит потом. И даже смогли разглядеть.
- Как думаешь, что все это значит? - спросила Тона.
- Я думаю, это воспоминания о прежней жизни. Той, что была до Обнуления. Мы не просто забываем все, похоже, воспоминания намеренно вытягивают из нас, чтобы мы перестали думать и...
- ... чувствовать. Кто-то создал все это с одной целью - заставить нас ничего не чувствовать. Но кому это надо и зачем?
- Не знаю. Но пока еще вибрирует стекло, давай проверим, как там наши родители с Тотонем.

Двадцать глав

до битвы с пустотой

Обстановка на главной площади становилась все напряженнее.

Это было заметно не по людям - их одинаковые, отстраненные лица не изменились, словно застывшие маски в костюмерной заброшенного театра.

Но то, как они напирали на стеклянную клетку, как плотно ее облепили, так что первый ряд зрителей буквально вдавили в стеклянные стены, говорило об одном - все чего-то ждут.

У родителей, видимо, сил совсем не осталось. Поэтому они только изредка оглядывались по сторонам, а на самом деле были сосредоточены только на своем малыше. Они не ели со вчерашнего дня, плохо спали и выглядели настолько уставшими, что у Тона с Тоной сердца сжались от жалости.

Часы на часовне пробили девять раз. Утро окончательно наступило.

- Помнишь, в Центре Порядка и Контроля сказали, что нас всех обнулят в полдень? - испуганно зашептала Тона. - Осталось всего три часа!
- Надо спасать родителей! Давай выбираться отсюда!

Дети попробовали вытащить головы на поверхность, но стоило им только дернуться, как они тут же поняли - стекло их не отпускает. Оно вновь стало твердым и их головы оказались зажаты внутри. Они могли только говорить друг с другом, видеть и слышать происходящее в городе, но при этом ни шевелиться, ни сопротивляться у них не получалось.

А тем временем в городе что-то произошло. Будто в одно мгновение во всех окнах домов вспыхнул и тут же погас свет. Ребята активно замахали руками, стараясь приблизить картинку, едва не поранив уши при этом. Когда голова зажата стеклянными тисками, очень сложно шевелиться, но не поцарапаться при этом. Результат того стоил - им удалось максимально приблизить окно, так что стали видны и занавески внутри комнаты, и горшочки с кактусами.

Но в глаза им бросилось совсем другое. На окнах после вспышки застыли какие-то знаки, и теперь они светились так сильно, что были заметны даже светлым днем. Дети вгляделись и замерли от ужаса: в каждом окне города Одинсбурга было написано "Розыск" и стояли коды. Это были их коды - Тона и Тоны.

Девятнадцать глав до битвы с пустотой

Вдруг ребята услышали голос.

И он звучал у них в голове. Это было совершенно отчетливо ясно - он шел не со стороны, не из города, а именно изнутри, будто в голову детям вмонтировали огромный рупор.

Голос в их голове сказал:

"Жители Одинсбурга!

Наш город в опасности! Наш покой под угрозой! Мы задержали преступников, но двум из них удалось сбежать. Мы разыскиваем их, поэтому внимательно проверьте коды тех, кто стоит рядом с вами..."

- Ты это тоже слышишь? Или я схожу с ума? - с отчаянием прошептала Тона.
- Слышу, - угрюмо ответил Тон.
- Но кто это говорит?
- Они. Они все.

Тогда Тона посмотрела на лица людей, что столпились на площади. Они одновременно говорили и оглядывали шеи друг друга.

- "... Дело было рассмотрено вчера на комиссии в Центре Порядка и Контроля. Все эти люди обвиняются в нарушении главного закона Одинсбурга - быть как

все. А значит, угрожают всему, что важно для нас: порядку, спокойствию, уверенности в завтрашнем дне...”

- Ты прав! Это говорят люди! Все как один! Но почему тогда ни мы, ни родители, ни доктор не говорим?
- Потому что мы для них уже не как все. Они нас изгнали.
- То есть мы бы сейчас так же стояли и читали чей-то приговор? И ничего внутри нас бы не дрогнуло? Что мы судим таких же людей, как мы, даже не зная, что у них на душе?!
- Да. Но на нашем месте оказались именно мы. А остальные там, на площади, готовы нас обнулить, даже не осознавая, что если кто и совершает преступление - то это они, потому что они схватили нашу семью.

Люди на площади продолжали говорить, и голос, один на всех, громко звучал в головах детей:

- Любая непохожесть угрожает нашему городу. Зависть, ненависть, вражда - вот что нас ждет, если мы вернемся в те темные времена, когда все люди были разными. Мы - новое поколение, которое выбирает спокойствие и порядок. И так будет до тех пор, пока мы будем уважать наши законы. Закон гласит - будь как все. Любой, кто встанет у нас на пути, будет обнулен. Во имя нас! Во имя Одинсбурга! Сегодня мы обнулим тех, кто подвергает нас опасности...
- Но послушайте!, - вдруг раздался еле слышный отчаянный голос. Это говорил папа, обнимая маму и Тотона, словно пытаясь защитить их. - Выслушайте нас! Я всю жизнь живу в Одинсбурге. Мои родители и дети живут в Одинсбурге. Мы любим наш город и следуем правилам. Нас многие знают, мы же с вами вместе работали, ходили на Праздник Равносчастия, гуляли с детьми...

Он в надежде вглядывался в лица людей, пытаясь найти знакомые черты, узнать кого-то, кто бы мог подтвердить его слова.

Но на него смотрели десятки, сотни безразличных и абсолютно одинаковых лиц. Ни одна черта не отличала эти лица друг от друга. Ни крошечного шрама от неудачного падения с качелей, ни малейшей веснушки, ни особенно пухлых щечек любителей сладкого. Одинаковые. Такие похожие друг на друга и такие не похожие на бедного растерянного папу, который сейчас чуть не плакал.

- Вы не признаетесь. Боитесь. И правильно делаете - потому что вас тоже засунут в эту клетку. И будут считать угрозой. И обнулят. Хотя вы тоже ничего плохого не сделаете, просто поможете другу. Но разве дружба разрешена в нашем городе? Нет, в ней тоже видят опасность, она тоже под запретом. Поэтому вы и стоите там, делая вид, что совсем не знаете меня.

Город молчал в ответ, но в этом молчании было куда больше, чем в самой красноречивой речи. Город уже принял решение.

Восемнадцать глав

до битвы с пустотой

Стрелки городских часов медленно, но верно подползали к полудню.

Пока люди зачитывали приговор, родители с Тотонем и доктор от страха придвинулись друг к другу еще плотнее и обхватили друг друга руками.

Тон и Тона изо всех сил старались выбраться, но ничего не получалось. Дети, помучившись, поняли - они скорее останутся без головы, чем смогут вытащить ее из этой ловушки.

- Сила тут не поможет, - устало выдохнула Тона. - Да и какая сила, мое тело так затекло, что я с трудом двигаюсь.
- Я все думаю о том, какие законы действуют в этом странном мире? Явно не те, что мы учили в школе. Пол стал мягким после того, как мы с тобой хохотали. Можно было бы проверить это, если бы сейчас мы смогли рассмеяться, но мне совсем не смешно.
- Мне тоже. Может, попробуем снова вспомнить что-нибудь смешное? - тихо предложила Тона. - Помнишь, когда Тотон только родился и мама принесла его домой, папа пошел его купать и пеленать. Снял испачканный подгузник, побежал на кухню, чтобы выкинуть его, взял пакет, завернул и так и оставил на столе.
- А мама с утра подумала, что это его завтрак и положила ему в портфель...
- И когда на работе все сели завтракать, папа достал свой пакет и развернул...
- И хотя остальные не нашли в этом ничего смешного, папа так хохотал! И когда рассказывал нам эту историю вечером, аж хрюкал. Мама сначала ругала его за то, что громко говорит и разбудит Тотона, а потом сама стала смеяться и хрюкать..
- И с тех пор каждое утро папа стал спрашивать маму, чего на этот раз она ему приготовила вкусенького..

Дети изо всех сил старались рассмеяться, но не могли.

- И эти люди - все они, кто смеялся с нашим папой, кто ходил к нам в гости - сейчас хотят его обнулить! И виду не подадут, что знают его! Трусливо кричат про обнуление, прячут свои коды, чтобы он их не узнал! - всхлипывая, со злостью воскликнула Тона.
- Нас лишили чувств, чтобы мы были счастливее. Но я не вижу счастья в глазах этих людей. Я вижу только равнодушие.
- Значит, равнодушие не делает людей счастливыми. А что делает?
- Меня бы сделало счастливым спасение родителей. И чтобы Тотон выздоровел.
- А если.. если он так и не выздоровеет? Неужели они все правы и его за это надо обнулить?

- Они также утверждают, что и родителей, и нас, и даже доктора надо обнулить! Так в чем разница, он или мы, или еще кто-то? Мы не сделали ничего плохого! Тотон не сделал ничего плохого! Никто не имеет права лишать нас нашей жизни!
- Да, да, я сама уже не знаю, что говорю. Мы не преступники, чтобы сажать нас в клетку, насмехаться над нами, судить нас! И Тотона мы тоже не дадим в обиду! Чего бы нам это ни стоило!
- Мы не сдадимся так просто! Мы.. мы будем сражаться! Я весь горю от злости! Я.. я сейчас просто лопну от гнева!

Если бы Тон увидел себя в зеркало, сам себя бы испугался. Его лицо все покрылось красными пятнами, глаза горели таким огнем, что, казалось, от них можно было зажечь свечи, которые мама каждый год ставила в торты в честь их дней рождения.

Тон был зол настолько, что его стало трясти от злости. И - конечно! - странный стеклянный пол, что еще мгновение назад был крепче мрамора, вдруг стал таять, как масло, оставленное на солнцепеке. И уже через минуту из него легко вынырнули две головы: заплаканная, с запутанными, нерасчесанными волосами, Тоны и решительная, с воинственно торчащими прядями, Тона.

Семнадцать глав

до битвы с пустотой

- Мы спасены! - радостно закричала Тона.
- Все ясно! Этот мир вокруг действительно реагирует на эмоции. Причем любые. Главное - чтобы они были искренними. И тогда перед ними рушатся стены и тает пол.
- Представляю лицо твоей учительницы физики, если бы ты на уроке это сказал.
- Некогда представлять. Давай думать, что делать дальше. Родителей с минуту на минуту обнулят! Мы пришли в башню, потому что этот старикашка точно как-то замешан во всем происходящем. Надо вернуться обратно в башню и заставить его исправить все!
- Точно! Мы знаем, что городом управляет какая-то невидимая сила, которая выкачивает из людей воспоминания и эмоции. Нам надо понять, что это и как его обезвредить. Если за всем этим стоит старик, нам надо быть начеку. И как только мы попадем в башню, не мешкая, напасть!
- Но как туда вернуться? Чтобы найти крышку сундука в таком огромном пространстве, нам понадобятся даже не часы, а целые дни.
- Да, замаскирована она как следует. Но выхода у нас нет - давай разойдемся в разные стороны и будем обследовать пространство.

Ребята пошли в противоположные стороны. Они словно бродили по бескрайней пустыне - с одним только отличием. У пустыни все-таки была линия горизонта, место встречи земли с небом, убежище солнца, а в этом пространстве не было ничего. Пол так незаметно перетекал в прозрачные стены и потолок, что, казалось, будто они находятся внутри гигантского новогоднего шара.

Дети шли, стараясь не выдать друг другу своего отчаяния, однако никаких результатов их поиски не имели.

И вдруг они заметили уже знакомый им пар, что начал подниматься с пола.

- Смотри, опять начинается! Из людей снова высасывают воспоминания!
- Побежали, посмотрим!

Они бросились к нескольким столбикам пара, что клубились неподалеку.

Пар снова вдруг словно ожил, стал дергаться, метаться, выстраиваясь в причудливые картины. Когда дети подбежали, некоторые из них уже успели рассеяться, зато на их месте тут же рождались новые. Вот появилась обычная квартира Одинсбурга, такая же, как тысячи других, с одинаковой мебелью и комнатами.

Брат и сестра видели картинку глазами тех людей, кому принадлежали эти воспоминания. Вот кто-то зашел в комнату, где стояли кровати, на которых спали дети. Подошел к окну и распахнул шторы, чтобы впустить в комнату солнце, которое по утрам здорово выручало и помогало растолкать даже самых отъявленных сонь.

Потом этот человек погладил сначала одну голову, потом другую. Застыл на мгновение, видимо, любуясь ими, а потом наклонился и поцеловал.

- Это мама! - задыхаясь от волнения, еле выдохнула Тона. - Мама, точно! Я узнала ее! Она всегда нам так делает по утрам!

Картинка уже рассеялась и столбик пара исчез. Но рядом клубился еще один, к нему и бросились ребята.

В ванной комнате они увидели двух детей, мальчика и девочку, и по тому, как те толкались и пихались, тут же догадались - это были они.

Но что странно - это были чьи-то чужие воспоминания, не их и не мамы, потому что видели они себя по-прежнему со стороны, так же как улыбающееся лицо мамы, что корчила рожицы и слала воздушные поцелуи.

Они смотрели на себя чьими-то глазами и чувствовали, сколько любви и счастья в них. Вот на картинке дети повернулись, тоже стали улыбаться, что-то болтать и кривляться.

Тон и Тона вспомнили это утро, оно было совсем недавно. Мама разбудила их в школу и, пока они чистили зубы, зашла в ванную с проснувшимся Тотонем. Он только успел открыть глазки, тер их кулачками со сна, но уже вовсю, на своем детском языке без слов, требовал отнести его к сестре и брату. Мама этот язык уже успела выучить. Она в одно мгновение понимала, что Тотон хочет есть или пить, или ему мешает

солнечный свет, или ему хочется играть. Сейчас он вовсю тянулся туда, в ванную комнату, где были эти двое веселых ребят, которых он успел полюбить.

Картинка снова испарилась. А все, что дети увидели после, повергло их в настоящий шок.

Шестнадцать глав

до битвы с пустотой

Они разглядывали картинки, которые шли одна за другой, и было совершенно ясно, что видят они их как бы глазами Тотона, так, как видел это он еще совсем недавно.

Вот рядом мама, держит его на руках.

Вот мягкие игрушки, которыми завешана его кроватка. Он тянет к ним ручки, они смешно уворачиваются от его неуклюжих пальчиков.

Вот папа пришел с работы, взял его на руки. Папино лицо, улыбочное, доброе, то удаляется, то приближается, отчего сразу становится ясно - это он подбросил его несколько раз в воздух, дождавшись смеха малыша.

Вот Тон с Тоной склонились над ним, хихикают. Что-то приклеили на нос, теперь хохочут. Наклоняется мама, сначала строго что-то говорит им, потом сама начинает смеяться, отклеивая с его носа какой-то клочок бумажки.

Вот выключается свет и кажется, что темно и ничего не видно, а на самом деле на потолке начинают светиться звездочки, которые наклеили туда родители. И эти звездочки очень нравятся Тотону, потому что он долго-долго не сводит с них глаз.

Вот снова день, и он необычный, потому что мама в нарядном платье, а папа с утра не ушел на работу, и все куда-то собираются, и лица у всех счастливые.

- Праздник Равносчастия, - тихо прошептала Тона.

Дальше прогулка в коляске по праздничному городу, и на Тотона никто не смотрит, потому что все заняты чем-то своим. Ему, видимо, становится скучно, он трет глазки, мама наклоняется над ним, целует и начинает катать коляску туда-сюда. Тотон смотрит на небо и краешек дома, находит это зрелище довольно неинтересным и, наконец, закрывает глазки...

А дальше..

Когда Тотон снова открыл глаза, Тон с Тоной дружно вскрикнули от удивления. Он находился в той комнате внутри сундука, где они недавно побывали. Стены по-прежнему были завешаны фотографиями красивых домов, зданий и городов. Но

теперь здесь было достаточно светло и многолюдно, почти как на площади в Праздник Равносчастия. Только люди все были крайне необычные.

Тон и Тона во все глаза жадно разглядывали каждую деталь на быстро испаряющихся картинках. Им хотелось схватить их руками и удержать, но это было невозможно, пар рассеивался от любого прикосновения. Ребята чувствовали, что этого допустить нельзя, что они смогут увидеть нечто важное и ценное.

Люди были разные: высокие и низкие, полненькие и худенькие, с короткими стрижками и длинными волосами, в каких-то совершенно диких одеждах - с капюшонами, карманами, шнурками, "молниями" и многим другим, чего дети ни разу в жизни не видели.

Они сидели на полу, стояли, облокотившись на стены, о чем-то говорили, смеялись. Атмосфера в комнате, судя по картинке, была веселая и доброжелательная. Однако стоило Тотону оказаться в этой комнате, все внезапно переключили свое внимание на него. Они повернулись в его сторону, кто-то помахал, кто-то улыбнулся, кто-то подошел поближе и протянул руку. И когда все без исключения поздоровались, замерли.

Тот и Тона с удивлением переглянулись: было понятно, что эти люди... слушают Тотона. Тотона, их маленького брата, который буквально неделю назад научился осторожно ходить, держась ручкой за стенку.

Их брат Тотон, судя по всему, выступал перед этими людьми.

Пятнадцать глав до битвы с пустотой

Ребята замерли от волнения. Картинка исчезла, но тут же стала собираться новая. Было уже видно тех же людей, они обступили Тотона, но тут случилось непредвиденное.

Тона так напряженно вглядывалась в изображение, что на глазах у нее выступили слезы. Они тут же покатались по щекам, щекоча их. Тона только подняла руку, чтобы вытереть их, как вдруг нос ее тоже предательски зачесался. И где-то в глубине ее маленького, чуть вздернутого носика появилось такое знакомое ощущение.. Тона одно мгновение вспоминала, что же это такое, тут же вспомнила и с ужасом залепила себе рот руками, но было уже поздно.

Тона чихнула, да так, что весь этот странный новый мир, полный загадок и противоречий, опасностей и препятствий аж подпрыгнул.

Она чихнула с такой силой, что огромная волна разошлась на тысячи фараметров вокруг по крепкому стеклянному полу.

С такой силой, что разом сдуло все столбики пара, которые еще мгновение назад тянулись вверх.

Да, с такой силой, что ее собственная голова чуть не отлетела в сторону. Вот как сильно чихнула Тона.

- Аааа! - закричал от страха и неожиданности Тон. - Нападают! Беги! Спасайся!
- Кто, где? - сама перепугалась Тона. - Нас уже обнуляют?
- Что это было? Что за грохот? - вопил ее брат.
- Это... Это я чихнула, прости, - смущенно ответила девочка. - Я... Я все испортила, - голос ее задрожал и слезы брызнули из глаз. - Пар исчез, картинки испарились, мы так и не узнали, что произошло с Тотонном, - уже во весь голос рыдала она.
- Успокойся, не реви, - выдохнул Тон. - Ух, я уже подумал, война началась. Ничего себе ты чихаешь, хорошо мы не на земле, было бы десятибалльное землетрясение.
- Но как мы теперь узнаем, что было дальше? Воспоминания исчезли!
- Но мы знаем, где он был. Надо найти ту комнату, может быть, воспоминания хранятся там? Или оттуда мы выйдем на странных людей, которые его слушали?
- Ага, а если они нас поймают? Если они и есть те, кто ворует наши эмоции? Они управляют нами, высасывают из города все живое и настоящее, а ты предлагаешь пойти и искать их?
- Но сама подумай, Тотон явно их хорошо знал и не боялся. Они так искренне улыбались ему. Мне показалось, что они все рады встрече. А наш Тотон точно не стал бы связываться с негодями. В конце концов, какой еще у нас с тобой есть выход? По-моему, единственное, что мы можем сейчас сделать - это пойти и разыскать ту комнату.
- Наверное, ты прав. Но как мы ее найдем? Она же так плотно закрылась, что от крышки сундука не осталось и следа.
- Вот это уже другой вопрос. И мне кажется, у меня есть идея.

Четырнадцать глав

до битвы с пустотой

- Ты, конечно, чемпион по чиханию. У меня чуть сердце не остановилось, когда ты, такая маленькая, чихнула так, что мир вокруг дрогнул, - все еще отходя от пережитого страха сказал Тон. - Но я кое-что заметил. Смотри, там, где раньше была сплошная пустота, сейчас видны какие-то пятна. Надо их рассмотреть поближе.

И правда, и тут, и там вдруг произошли еле заметные изменения. Будто с идеально белой стены кто-то отковырял штукатурку.

Дети подошли поближе и присели на корточки. Казалось, что бесконечность вокруг была только покрытием, за которым скрывались какие-то сооружения.

Когда от взрыва, то есть от чиха Тоны, эта бесконечность осыпалась, стало очевидно, что пределы у этого пространства все-таки есть. У ребят больше не было ощущения, что они находятся в открытом океане и не видят берегов. Теперь они поняли, что они, скорее, в большом длинном коридоре.

В дырах, где бесконечность, словно засохшая краска, отпала, проглядывали какие-то металлические прутья, камни, даже местами сыпался песок. Ребята попробовали потыкать туда пальцами - все было накрепко утрамбовано, так что руками прорыть проход было невозможно.

Они осматривали пятно за пятном, пока не уперлись головой в нечто невидимое, но не пускающее их вперед.

- Там такая же стена, - догадался Тон. - Только взрывная волна до нее не дошла, поэтому пустота не осыпалась. Тебе надо чихнуть еще раз.
- Но как? Это произошло само по себе. Я не умею чихать на заказ. Тем более я так устала! Мы не ели почти сутки, в наших рюкзаках пусто, а в моей бутылке остался только глоток воды. А что, если мы не выберемся отсюда и умрем от голода? - снова заплакала Тона.
- Какая ты, оказывается, ревуня. Думаешь, нам сейчас твои слезы помогут? Я тоже хочу есть и пить, и тоже падаю от усталости, но нам надо найти выход. Чихай давай, кому говорю!
- Сам чихай! Я больше не могу!
- Ладно, вытри слезы, надо придумать что-то другое! Что еще обладает разрушительной силой? От чего могут сотрясаться стены?
- Может, просто сильно ударить по ней? Кулаком?
- Сейчас попробую. Отойди в сторону, чтобы я случайно не задел тебя.

Тона отошла, а Тон, разбежавшись на несколько метров, подбежал к стене и с силой пнул ее ногой. После чего тут же запрыгал на одной ноге и заорал:

- Аааа, как же больно! Я сломал ногу! Ааааа!
- Вот ты глупый! Кто же прыгает ногами вперед? Надо плечом и всем телом. Уйди, я покажу.

Тут Тона, решительно взглянув на стену, нахмурилась, сжала кулаки и со всего размаху треснула об стену плечом.

- Аааааа! Я сломала руку! Больно! Мама!
- Ну ты даешь! А еще меня глупым назвала! Так мы все себе переломаем, а стена даже не дрогнула. Надо придумать другой вариант.
- Я больше не хочу думать! Я устала и хочу к родителям. Почему мы здесь? За что все это? - Тона села на пол и заплакала от боли и обиды, вытирая мокрое

лицо рукавом своего уже потрепанного костюма. Слез было так много, что, отожми сейчас этот рукав, можно было бы собрать с полтаза воды, соленой, как само море.

Тон сел рядом. Обнял сестру - пожалуй, впервые за много лет. Они склонили друг к другу головы. Тон держался изо всех сил и старался не плакать, потому что никогда раньше этого не делал - кроме тех случаев, когда больно ударялся и выл от боли. Но вдруг он вспомнил слова Тоны о том, что когда ничего не ясно, надо смотреть внутрь себя и верить своим чувствам. Чувств внутри Тона было так много, что его буквально разрывало от них, поэтому он выдохнул и заревел.

Он плакал навзрыд, как плачет человек в беде. Всхлипывая, вытирая ладошками щеки, громко шмыгая носом - плакал громко и отчаянно. Потому что даже сильные и смелые мальчики иногда чувствуют себя неважно. А в таких случаях лучшее, что можно придумать - это поплакать от души.

И чем громче он плакал, тем более странно выглядела стена, на которую они облокотились. Нет, бесконечность с нее не сыпалась, зато... Она стекала, так, как течет мороженое в жаркий летний день. Текла прямо на стеклянный пол, освобождая то, что раньше скрывалось под ней.

Тринадцать глав

до битвы с пустотой

- На меня что-то капает!, - взвизгнула Тона. - Стена! На меня капает стена!
- И смотри, что за ней, - вытирая заплаканные глаза руками, кивнул Тон.
- Камни.. Прутья.. А вот тут кусок какой-то деревяшки.. Дальше пока не вижу, там еще пустота не стекла.
- Надо ей помочь, - пробормотал Тон, сосредоточенно работая руками и сгребая пустоту со стены. Вскоре они увидели, что деревяшка имеет весьма четкие очертания. Ребята усиленно терли руками стену, пока, наконец, не очистили все деревянное покрытие.

Это была дверь. И судя по тому, как она открывалась - не сбоку, как обычная дверь, а снизу вверх - это была крышка того самого сундука, из которого они не так давно выбрались.

- Нашли! Толкай сильнее!

И ребята, еле зацепив ее, со всей силы стали толкать наверх. Это было довольно сложно, потому что ручки у этой двери не было и приходилось держать ее кончиками пальцев.

Наконец, дверь была открыта. Тон держал ее на вытянутых руках и коротко скомандовал: - Лезь!

Тона осторожно пролезла и шепотом дала сигнал: - Готово. Теперь ты.

Тон последовал за сестрой, осторожно закрывая за собой крышку сундука. И мир, странный, светлый, опасный и удивительный, остался там, снаружи, вместе с густым светом. Наступила темнота.

- И где эта комната? Она же была здесь! А теперь тут так тесно, будто мы и вправду находимся в сундуке, - испуганно пытаюсь хоть что-то разглядеть в темноте, сказала Тона.
- Не знаю. Давай попробуем включить фонарик, - ответил Тон и стал рыться в рюкзаке. Но в этот момент крышка сундука вдруг распахнулась и ребята, испуганно щурясь, вдруг увидели лицо старика.
- Аааааааааа! - дружно закричали они, то ли от страха, то ли от неожиданности.
- Аааааааааа! - в ответ раздался тоненький голос старик. - Вы чего кричите?
- Ты! Вы! Похититель! Грабитель! Предатель! - задыхаясь от гнева, прокричал Тон. - Да как вы могли..! Нашего брата..! А наши родители...! И Вы закрыли нас в этом сундуке!!!
- Не кричи ты так громко! Я, конечно, порядком стар и глух, но не до такой же степени. А вот сердце да, сердце у меня шалит, поэтому резкие крики могут лишиться меня чувств. Ох, что-то мне и правда поплохело. Вылезайте скорее, трудно мне держать эту крышку...

И старик, охая и ахая, хватаясь рукой то за сердце, то за поясницу, поковылял налить себе воды из большого графина.

- И мне тоже, пить хочу, - громко попросила Тона. - И брату моему!

А сама прижалась прямо к уху брата и зашептала: - Надо не упустить момент. Пока он наливает воду, мы вылезем и схватим его. Вдруг другого шанса не будет?

Тон кивнул ей, и они тихо выбрались из сундука. Пока старик возился с кувшином и стаканами, они подкрались к нему со спины и набросились на него.

Двенадцать глав до битвы с пустотой

А дальше произошло непредвиденное.

Резко и стремительно они бросились вперед, но в это же мгновение какая-то невидимая сила потянула их назад, к сундуку, от чего они больно шлепнулись попами на пол.

- Что это было? - испуганно прошептала Тона.
- Ерунда какая-то. Давай еще раз попробуем.

И снова они встали, молча переглянулись, кивнули, одним махом бросились вперед...

Но, казалось, что к их спинам была приклеена тугая резинка. Стоило им отдалиться хотя бы на шаг, как она тут же подхватывала их и упрямо возвращала на место - и было это довольно больно и грубо.

Сидя на полу и растирая ушибленную спину, Тон обиженно сказал:

- Как же надоели эти фокусы! Надо сменить тактику. Теперь никаких резких движений! Крадемся!

Ребята встали, и осторожно, буквально по сантиметру, стали приближаться к старику. Но стоило им подкрасться на расстояние вытянутой руки, как эта невидимая резинка вновь сработала и они, с тем же грохотом и шумом, отлетели на пол.

Старик же, как ни в чем не бывало, продолжал наливать воду в стаканы. Потом повернулся и удивленно спросил:

- Вы чего на полу-то устроились? Неудобно же. Давайте на сундук лучше.
- Ага, - осматривая ссадину на локте, зло ответил Тон. - Знаем, бывали. Потом опять темнота, тайная комната и прочая жуть.
- Да не в сундук, а на него! А сундук вас уже не пустит, он больше одного раза никому не открывается. Раз заглянешь и все, дальше он станет для тебя обычным ящиком, в котором удобно хранить кастрюли и только.
- Как? - испуганно вскрикнула Тона. - А как же комната? Нам обязательно надо в нее попасть!

Старик передал им стаканы с водой, а сам опять повернулся к плите.

- Ух, какая ты шустрая. Не торопись, давайте сначала перекусим. У меня для вас готова вкусная каша с маслом и сиропом из цветочного нектара, и есть компот из лесных ягод, и немного вчерашних блинчиков, и горсть орехов, и кусочек сыра...

От одних только слов дети почувствовали, как сильно они проголодались - шутка ли, не есть почти сутки, от волнения и страха позабыв обо всем на свете?

Они тут же подскочили, и, хотя еще минуту назад вынашивали план по нападению на старика, сейчас думали только об одном. Вот бы съесть все это!

Старик разложил тарелки, миски, стаканы, вилки, ложки. Скоро весь сундук был заставлен едой. И дети стали есть. С их пальцев прямо на пол капал сироп, они то откусывали блинчик, то взхлеб пили компот, то запихивали в рот орехи - и жевали, жевали без остановки. Вот такими голодными они были.

Наконец, Тон и Тона остановились. Поглаживая свои животы, они тяжело дышали и глазами подыскивали место, куда бы можно было сейчас рухнуть.

Старик убрал посуду и остатки еды с сундука, и кивнул детям: - Располагайтесь! Там не очень удобно, но лучше, чем сидеть на полу. И не бойтесь, в этот раз вы не потеряетесь. Как я уже сказал, сундук больше одного раза в себя не пускает.

Дети еле-еле забрались в сундук, от усталости с трудом поднимая руки и ноги, и все бормотали: - Мы только поищем комнату... нам нельзя отдыхать.. там мама и папа, и Тотон... и доктор.. И мы их не спасли.. И даже не знаем, сколько времени.. Вдруг их уже обнули...

И замолчали прямо на половине слова, в одно мгновение заснув крепким глубоким сном.

Старик подошел к сундуку, посмотрел на детей и прошептал:

- Сундук не открывается больше одного раза никому. Но вас - двое. И, я надеюсь, вам повезет, и вы еще раз проскочите туда, в хранилище Истины.. Удачи! - и закрыл крышку.

Одиннадцать глав

до битвы с пустотой

Дети крепко спали. Это было совершенно очевидно, потому что они проспали и тот момент, когда сундук снова превратился в тайную комнату, и сквозняк, от которого то и дело взлетали картинки на стене, и шаги со всех сторон...

Открыли глаза, только когда почувствовали какое-то прикосновение.

Открыли и сразу проснулись от испуга: прямо перед ними стояли те люди, которых они видели недавно в парах воспоминаний.

- Ой! Кто вы? Не трогайте нас, мы будем драться! - тут же вскрикнул Тон, выставив вперед руки, сжатые в кулаки.

Люди вокруг рассмеялись, но как-то по-доброму, отчего ребятам сразу стало полегче.

- Мы вас не обидим, мы ваши друзья, - сказал один из этих людей, худой высокий мужчина с совершенно нелепыми волосами, торчащими по бокам головы. Дети никогда не видели бакенбарды, усы, бороды - разве что у старика, но его они, если честно, вообще считали скорее лесным жителем, чем человеком. Поэтому они с удивлением рассматривали странного мужчину.
- Если вы наши друзья, тогда помогите нам! Злой старик украл нашего брата, отравил его, отчего Тотон заболел, и из-за этого всю нашу семью теперь хотят обнулить! - со слезами на глазах воскликнула Тона.
- Это вы меня злым стариком называете? - вдруг услышали они знакомый старческий голос и обернулись. Перед ними стоял старик и посмеивался. - Я, конечно, не так хорош собой, как в молодости, но злым точно никогда не был.

- Еще и обманщик! Говорил, что в тайную комнату больше одного раза не попадешь, а сам тут как тут.
- Я тут работаю связистом и помогаю команде Особенных в их нелегком деле. И никого я не травил! - обиженно ответил старик.
- Но мы собственными глазами видели, как ты давал Тотону пить из какой-то бутылки! Наверняка, там было зелье, потому что после этого Тотон перестал быть нормальным ребенком! - упрямо сказал Тон.
- Не всегда то, что ты видишь, является правдой, - тихо и задумчиво ответила девушка, что стояла рядом с ним. У нее были совершенно необыкновенные длинные рыжие волосы. Казалось, что кто-то вылил банку с краской на ее голову. Волосы были настолько блестящими и гладкими, что Тон еле сдержал желание потрогать их рукой.
- Правда, которую мы знаем, такова. Прямо сейчас наших родителей и брата обнулят за преступление, которое они не совершали. И все, чем мы можем им помочь, это сидеть в сундуке и слушать рассказы о том, что Тотон обычный ребенок и ничего странного с ним не произошло. Для наших друзей вы не слишком-то убедительны, и пока я не вижу никаких оснований вам доверять - четко и решительно выдал Тон, да так, что даже Тона с уважением и восхищением посмотрела на брата.
- Ты умеешь за себя постоять. Это прекрасное качество для мужчины. Сразу видно, чей ты брат. Мужество, видимо, у вас в крови, - сказала девушка с рыжими волосами, и щеки Тона предательски покраснели от таких приятных слов.
- Это вы про меня, что ли? - решила на всяких случай уточнить Тона. - В моей крови мужество?

Люди почему-то снова рассмеялись. Кто-то даже наклонился к Тоне и ласково погладил ее по голове.

- И про тебя в том числе. Мы думали, что только один среди вас особенный, но это оказалось не так. Вы все - настоящие герои. Не зря именно вам суждено спасти свой город.
- Город? Мы город спасти не собираемся! Мы даже свою семью спасти не можем, то торчим в сундуке, то разглядываем пол... - грустно сказал Тон.
- Да, хранилище Истины действительно внешне смахивает на сундук, но поверьте, сейчас вы находитесь в одном из самых важных мест. Потому что именно здесь вы можете узнать правду о вашем брате.

Десять глав

до битвы с пустотой

- Скорее! Говорите уже нам правду! Нам нужно торопиться! - воскликнула Тона.
- Торопиться не надо. Вашу семью уже с минуты на минуту обнулят, - сказал старик.
- Что? Как? - в один голос крикнули брат с сестрой.

- Где наши родители? - и слезы тут же потекли у них из глаз.
- Да.. - пробормотал старик, - сообщать новости у меня плохо получается.
- Не бойтесь, это часть плана, - девушка с рыжими волосами приобняла детей за плечи. - Это только Центр Порядка и Контроля считает обнуление высшей мерой наказания. Мы его давно не боимся, потому что научились через обнуление перемещаться во времени и пространстве и запрыгивать сюда, в хранилище Истины.
- Значит, мы скоро увидим наших родителей? - с надеждой спросила Тона, вытирая слезы.
- Увидите. Но сначала вам действительно стоит узнать правду. И хватит загадок. Посмотрите туда, в дальний угол хранилища.

Ребята дружно повернули голову в указанном направлении. Там, среди фотографий и картинок, стоял парень.

Он был довольно высокий, с приятным лицом, светлыми взъерошенными волосами, в рубашке в клеточку и темных штанах, а на ногах у него были какие-то необычные ботинки - белые, видно, что удобные, на липучках вместо шнурков, которые всю жизнь были вынуждены зашнуровывать дети.

Парень молча смотрел на них и улыбался.

- И что? - спросил, наконец, Тон. - Кто это? И чего это он так улыбается? Мы его впервые видим.
- Говорил же, что не узнают, - сказал парень и шагнул к ним навстречу.
- Вообще-то, они видели воспоминания, а ты там вполне мог проскочить.
- Даже если бы и проскочил, они бы не догадались, что это я.

Тона не выдержала:

- Пожалуйста, говорите прямо! Мы теряем время, и, если честно, мне уже надоели эти бесконечные тайны и загадки. Кто вы?

Парень улыбался все шире.

- Мне всегда нравилась твоя искренность. Это выделяло тебя даже среди детей Одинсбурга. Никакой Центр Порядка и Контроля не смог лишить тебя этого.
- Спасибо. И все-таки, кто Вы?
- Я - ваш брат Тотон.

Тон и Тона, не сговариваясь, вытаращили на него глаза так, что казалось, они вот-вот выпадут. Выражения лиц у них было настолько смешным - распахнутые глаза, широко открытые от удивления рты, что все вокруг невольно захихикали.

- Тотон, ты умеешь произвести впечатление, - смеялась рыжая девушка.

Тон тут же обиделся: - Не вижу в этом ничего смешного. Вы, видимо, все сошли с ума. А ты - больше всех. Наш Тотон не так давно научился пить молоко из бутылочки. Тебе, конечно, до его талантов далеко, поэтому не надо тут делать вид, что ты наш брат.

- Тон, - все еще улыбаясь, с каким-то необыкновенным теплом в голосе сказал парень. - Я действительно твой брат и очень горжусь этим. Я бесконечно ценю каждую твою пролитую слезу, каждую вспышку ярости и злости от бессилия, твою заботу о Тоне и нашей семье. Ты удивительный и смелый, знай это. Но чтобы больше не мучать вас, я расскажу вам нашу историю с самого начала. Садитесь, она будет недолгой, но, боюсь, что ноги вас могут подвести - она полна неожиданных поворотов.

Ребята сели тут же на пол, и все люди вокруг последовали их примеру. В центр комнаты сел парень, выдававший себя за их брата, и начал свой удивительный рассказ.

Девять глав

до битвы с пустотой

- В те времена, когда люди носили джинсы - да-да, такие штаны, как у меня, которые ты, Тон, с таким интересом разглядывал, - слушали музыку, смотрели кино и летали между континентами, действительно, было много проблем. В этом Центр Порядка и Контроля прав.

Когда людей переполняют чувства, они способны на разные поступки, в том числе и не самые умные. Чувства дарили людям много прекрасного: любовь, дружбу, приключения, но тем, кто не умел справляться с ними, доставляли кучу неприятностей. Ссоры, зависть, оскорбления, разбой - часто так случалось, что именно эмоции толкали людей на плохие поступки.

Но мир учился управлять эмоциями. Люди стали переносить их в искусство: выплескивали все хорошее и плохое в книги, кино, музыку, картины. Им становилось легче, потому что это помогало не копить груз переживаний в себе.

Однако не всем удавалось справиться со своими эмоциями. Поэтому нашу планету всё равно сотрясали войны, погромы и преступления. Правители стран по-разному боролись с этим. Мудрые помогали своему народу больше творить, создавать, делиться эмоциями через искусство. Мы еще помним времена, когда проходили фестивали, люди танцевали ночами напролет, потом бежали в кино, потому что там показывали интересные фильмы. Люди путешествовали, общались, сочиняли свою музыку и делились ей - это была настоящая жизнь со своими сложностями и радостями.

Но правители нашего города, увы, мудрыми не были. Они были трусливыми - и начали бояться нас. Им казалось, что наши книги угрожают безопасности, наша музыка учит

плохому, наши картины побуждают людей на преступления. Поэтому они пошли другим путем.

Все началось с мелочей. В магазинах исчезла наша любимая одежда. Потом наши дома снесли и построили другие - в одном стиле. Нам все время говорили, что это делается для нашего блага, что так мы избавимся от зависти. Нам полагалось носить одинаковые стрижки, сдать все книги и диски с фильмами в Центр Порядка и Контроля.

Конечно, нам это быстро надоело. Мы выходили на улицы города, требовали вернуть нашу свободу, но это только сильнее напугало наших правителей. Тогда-то они и задумали провести Обнуление.

Мы ничего не знали. Не знали, что сотни ученых трудились над секретными разработками, которые впоследствии сделали нас одинаковыми. Не знали, что десятки технологов ломали голову над тем, как заставить нас замолчать, не бастовать. Тогда, видимо, они и придумали лишить нас эмоций, а чтобы они не вернулись, они еще и решили забрать у нас воспоминания.

А потом случилось Обнуление.

Восемь глав до битвы с пустотой

Однажды город заснул, а секретные лаборатории Центра Порядка и Контроля начали свою работу. Во сне из людей выкачали все воспоминания, заблокировали эмоции, перепрограммировали внешность. Каждому из нас присвоили код и напечатали его на шее.

Когда город проснулся, это был уже совсем другой город. Это был Одинсбург.

Люди быстро привыкли. Они ничего не чувствовали, поэтому перемены не задели их. "Так значит так", - сказали люди и зажили новой жизнью. В ней было все продумано до мелочей. Раз в год жители города как следует веселились, раз в год плакали и переживали. Все остальное время жили ровно, без эмоций, не обращая ни на что внимания.

Я тоже прошел Обнуление.

- Как? - хором воскликнули Тон и Тона, не сводя глаз с парня, который нравился им все больше и больше. От него исходило такое спокойствие и мужество, что им невольно хотелось подсесть поближе к нему.
- В тот момент я жил со своими родителями, занимался спортом, готовился поступить в университет, чтобы стать океанологом, поехать в кругосветное путешествие и изучать рыб, живущих в водных глубинах. У меня было много друзей,

любимая девушка и вечерами мы встречались и общались - в том числе и на тему того, что происходит с нашим городом. Нам не нравилось решительно все - и закрытие кинотеатров, и новые дурацкие прически, которые заставляли всех делать, и запрет на творчество.

Мы снова и снова говорили, что с этим надо как-то бороться. А когда разошлись по домам и легли спать, то проснулись уже другими. Но это было не главное мое потрясение. Самым страшным для меня стало понимание, что все люди вокруг изменились, потеряли память, перестали что-то чувствовать - а я нет. Мой мозг, сознание, воспоминания каким-то чудом преодолели Обнуление. И я очень быстро понял, в какой опасности нахожусь. В городе незаметно для его жителей велась охота на таких, как я. Скоро я понял, что проскочить Обнуление смогли еще несколько десятков человек, но их быстро вычисляли и забирали в Центр Порядка и Контроля.

Я стал скрываться. Делал вид, что такой же как все, что я ничего не чувствую и не переживаю. Сколько сил мне стоило стоять рядом со своими родителями, которые равнодушно спрашивали, обедал ли я. Механически целовали, безучастно слушали мои осторожные разговоры о том, что теперь с нами будет.

Мои друзья стали одинаковыми, моя девушка ничем не отличалась от других девушек Одинсбурга. Мы все еще собирались вечерами, но это было жалкое подобие наших прежних встреч. Между нами больше не было искренности, наша дружба стала такой же пластмассовой, как вывески на магазинах.

Ночами я не мог заснуть. Центр Порядка и Контроля определил меня на учебу к пекарю, я ходил к нему в пекарню и все присматривался и прислушивался. Но со временем понял: те, кто спасся, или так же тщательно скрываются, как и я, или их поймали и принудили пройти Обнуление еще раз. Я почти потерял надежду, пока однажды на празднике Равносчастия не заснул прямо в центре города в разгар веселья.

- Прямо как мы! Мы тоже там вырубались! - сказал Тон.
- Я заснул и оказался в башне. Там я познакомился с Одом - так зовут нашего старичка. Который на самом-то деле оказался...
- Опять ты за свое! - возмущенно воскликнул Од. - Даже не вздумай называть меня волшебником. Дети, - строгим голосом обратился он к ребятам, - запомните, волшебников не существует! Это все сказки для маленьких. Вы взрослые и должны уже понимать, что просто есть вещи, мимо которых ты не можешь пройти. Вот и я не смог...

Тем временем Тотон встал и сказал:

- Мне пора бежать. Я скоро проснусь. Не бойтесь, - обратился он к ребятам, - мы с вами увидимся совсем скоро! А пока послушайте, что расскажет наш Од. Поверьте, без него нашей истории не было бы...

Тотон помахал всем присутствующим, а сам пошел в тот угол, где ребята его обнаружили. Приоткрыл одну из картинок, висящих на стене, и ловко пролез сквозь появившееся окно.

А старик покряхтел, сел поудобнее и начал свой рассказ...

Семь глав

до битвы с пустотой

- До Обнуления я работал обычным учителем химии. Готовился выйти на пенсию, земную жизнь я прожил счастливо - в большой семье, с любимой женой. Наши дети успели нарожать нам внуков, и я собирался посвятить остаток жизни им.

Однажды ночью за мной пришли. Меня доставили в Центр Порядка и Контроля вместе с еще несколькими учителями. Перед нами поставили задачу - разработать такую школьную программу, которая бы позволила детям понимать, как строить дома, выращивать урожай, создавать машины. Но лишила бы их желания задавать вопросы: почему? зачем? как? Нам сказали, что мы должны растить умных и образованных детей, которые не будут отвлекаться на переживания, рассуждения и эмоции.

Мои коллеги тут же взялись за дело. А я никак не мог понять: как же это возможно? Запретить детское любопытство! Спрятать от них впечатления и чувства! Это же неправильно! Это настоящее преступление!

Но я был одинок в своих убеждениях. Благодаря тому, что меня допустили к команде разработчиков, я знал практически все о надвигающемся Обнулении. И я начал действовать. Я разработал несколько эликсиров. Один из них должен был сохранить память и чувства во время Обнуления, второй - напротив, помочь все забыть, если что-то пойдет не так.

О том, когда именно будет Обнуление, я узнал накануне вечером. Поэтому в тот вечер прихватил из лаборатории только то, что было готово, всего несколько пузырьков.

Я шел домой мимо компании ребят - они что-то играли на гитаре и пели. Я быстро залил один флакон в бутылку с соком и предложил им выпить. Все посмеялись и отказались - я показался им странным, или даже сумасшедшим, уж не знаю. Выпил только один парень. Оставшийся эликсир я незаметно подмешал в молоко, которое стояло на прилавке в ближайшем магазине, в надежде, что кто-то еще успеет выпить и спастись. Последний флакон я выпил сам.

Утром после Обнуления я шел по городу и не мог сдержать слез.

Моя семья стала мне чужой. Мои ученики не узнавали меня. Мой прежний мир рухнул, а этот новый и искусственный был чужим и враждебным.

И тогда я решил спасти всё, что еще можно.

Я создал ускоритель времени, благодаря ему выбрался из города и поселился в башне. Я жил тут, лишь изредка наведываясь в Одинсбург. Все, что не попало в Центр Порядка и Контроля, я тащил сюда - все эти картины и фотографии, которые вы рассматривали здесь.

Как только я возвращался в город, моя внешность менялась, я становился таким же как все, но стоило мне вернуться обратно, как я снова оказывался в своем земном возрасте. Я так постарел за это время, потому что блуждания во времени, увы, не делают моложе и здоровее.

Мне хотелось наблюдать за городом в безопасном месте и тогда я создал прозрачный слой, который вы так легко обнаружили, когда выбрались из хранилища Истины. Я хотел защитить его от Центра Порядка и Контроля, поэтому закодировал. Только сильные эмоции пропускали звук и только энергия движения настраивала картинку.

Иногда я замечал, что некоторые люди в городе как-то отличаются от других. Было непонятно, чем именно - вроде та же внешность и одежда, но вот их взгляд... Я иногда ловил его на себе - такой внимательный, цепкий.

Подходить и говорить было слишком опасно - Центр Порядка и Контроля внимательно следил за всеми, и, видимо, тех, кто все же выпил мой эликсир, вычисляли и забирали на повторное Обнуление.

Поэтому я и придумал выйти на контакт с ними через их подсознание. Мне предстояло влезть в их сны.

Шесть глав

до битвы с пустотой

- Первое время у меня ничего не получалось, - продолжал свой рассказ старик. В Одинсбурге люди не видят снов. Я блуждал по этой пустоте из одного сна в другой. В местах моих переходов образовались дырки, но я слишком поздно это заметил. Скоро пустота начала вытекать из снов. Она расползлась по всему городу, как мыши во время голода. Жители Одинсбурга ее не видели - их души уже были отравлены пустотой, поэтому для них она не представляла опасности. Но я, сталкиваясь с ней за пределами снов, с ужасом понимал, что она может поглотить что угодно, даже меня.

- Мы видели ее! - воскликнула Тона. - Когда выбрались из башни впервые и спешили домой. Нам тогда показалось, что город просто лопнул на наших глазах.
- Вам не показалось. То, что вы видели - это ее тренировка перед решающей битвой. Обнуление запустило необратимый и страшный процесс. Утратив способность чувствовать, радоваться и грустить, плакать и смеяться, мы утратили Истину, а на ее место пришла пустота. И она не остановится до тех

пор, пока не сожрет все, что еще осталось: город, его жителей, хранилище Истины и нас с вами...

- Но что же делать? - вскочил на ноги Тон, у которого даже кончики волос казались наэлектризованными от волнения.
- Нам надо дождаться кое-кого.. Уже почти полдень, а значит, они будут здесь с минуты на минуту.

И действительно, в этот же момент дети почувствовали сквозняк. Стало тянуть со всех сторон, будто они сидели не внутри сундука, а в старенькой хижине. Раздались уже знакомые звуки шагов, и дети невольно придвинулись друг к другу поближе. То тут, то там стали взлетать на ветру фотографии. И скоро из нескольких окошек показались сначала ноги, потом спины, а потом и головы.

Первым ребята разглядели Тотона. За ним вылезла какая-то женщина и два мужчины. Они были так растеряны и с таким испугом смотрели по сторонам, что Тону и Тоне стало их жалко.

- Не бойтесь! - сказал Тон. Точно так же, как еще совсем недавно сам услышал на их месте.
- Мы ваши друзья, - подхватила Тона, почему-то уверенная в том, что говорит правду.

Один из мужчин бросился назад к окошкам и стал заглядывать в них.

- Где моя жена? Со мной была моя жена! - кричал он.
- И мой муж, - тихо сказала женщина. - Мой муж и ребенок тоже исчезли.

На какое-то мгновение они оба замолчали, не сводя друг с друга глаз. Пока наконец мужчина тихо не спросил:

- Нона?
- Да... А ты Тот? - робко ответила женщина.

И еще через мгновение они уже бросились друг к другу и обнимались.

- Ты так изменилась! Но я почувствовал, что ты где-то близко! Я узнал тебя, не сразу, но узнал!
- И я поняла, что это ты! Твой взгляд, самый равнодушный из всех, подсказал мне.
- Мама! Папа! - подскочили дети и бросились к ним. - Это мы, Тон и Тона! И Тотон здесь, с нами! Мы все вместе! Ура! - они плакали и смеялись, и обнимались так крепко, что уже через минуту их щеки стали красными, как кружки помидора на утренней яичнице.
- Ничего не понимаю, но как же я счастлив! - бормотал папа, подхватывая и подкидывая вверх Тона и Тону. И только повернувшись к Тотону в

растерянности замер: Тотон был выше его на целую голову. Все вокруг невольно засмеялись и после этого, наконец, стали успокаиваться. Даже мужчина, который пришел с ними, перестал дергаться и суетиться.

- Я доктор. Я был вместе с вами на Обнулении. Мы вместе сидели всю ночь в стеклянной клетке. Я совершенно запутался во всем этом, но рад за вас! Вы выглядите такими счастливыми!

Мама оказалась красивой женщиной с длинными вьющимися волосами, и сразу стало понятно, в кого у Тоны такие милые кучеряшки. Папа, напротив, был с короткими волосами, чуть крупный, зато точно сильный. В его простом открытом лице были знакомые черты - они с Тоном были очень похожи друг на друга. Доктор же теперь выглядел старше, чем в Одинсбурге. Он был невысокого роста, худой, подвижный, с любопытными, добрыми глазами.

Все снова расселись на пол. Тотон посмотрел на часы, что-то в голове прикинул, подсчитал и сообщил всем присутствующим:

- У нас в запасе минут пятнадцать, не больше. А потом начнется решающая битва с пустотой. Мы как раз успеваем к ней подготовиться.

Пять глав

до битвы с пустотой

- Мы готовы к битве! - тут же откликнулся Тон, угрожающе размахивая кулаками.
- Пусть она сюда только сунется, я ей так наваляю, удрать не успеет!

Тотон грустно ответил:

- Я знаю, что ты смелый парень. Но битва будет совсем не такой, какой ты себе ее представляешь. Чтобы победить в ней, нужно особое мужество. Надеюсь, вместе мы выстоим, потому что по отдельности у нас просто нет шансов. А пока я расскажу нашу историю до конца...

Он коротко пересказал родителям и доктору все, что уже знали дети. И продолжил:

- Когда я впервые оказался в башне, испугался так же, как и вы. Но стоило мне только познакомиться с Одом и узнать его историю, я успокоился и обрадовался. Самым страшным для меня было провести всю жизнь там, в искусственном Одинсбурге, без настоящей семьи, друзей и любимых занятий. Теперь же я знал, что надежда на спасение, хоть и маленькая, но есть. Постепенно мы с Одом вычислили и познакомились с остальными. Ими оказались случайные люди, которые, видимо, выпили то молоко с эликсиром. Всех нас вы видите сейчас. Мы и есть отряд Особенных, тех, кто укрылся от Обнуления.

Когда мы поняли, что грядет пустота, стали готовить план сопротивления. Но чем больше мы изучали пустоту, тем в больший ужас приходили.

Победить пустоту обычными методами невозможно. Она проникает в сердца людей и остается там навсегда. Мы провели сотню опытов. Любое противоядие действовало короткое время, а дальше пустота становилась только сильнее.

Единственное оружие, которое может защитить от пустоты - это эмоции. Как только они затихают, пустота тут же набирает силу и нападает. Нам предстояло найти выход из тупика, придумать нечто, что никогда не оставит людей равнодушным.

Од так надолго закрывался в своей лаборатории, что мы уже переживали за него. Каждый раз он выходил оттуда хмурый и немногословный, и мы понимали: ничего не получается. В Одинсбурге тем временем становилось все опаснее. Наши перемещения только усиливали пустоту, она сгущалась. Мы понимали, что скоро наступит момент, когда мы больше не сможем пробраться туда.

Мы пробовали разговаривать с людьми, пытались их убедить - все было бесполезно, они ничего не чувствовали. Они не боялись пустоты, потому что не ценили свою жизнь - жалкую, скучную, лишенную привязанностей. Им было нечего терять. Все самое важное, что есть у человека, у них забрали. Поэтому даже если бы пустота поглотила их, они бы этого не заметили.

Другое дело мы. Мы все помнили. Смех детей, слезы влюбленных, музыку, которая попадает прямо в душу и заставляет танцевать, книги, после которых хочется обнять весь мир. Мы скучали по нашим друзьям и родным, и мы точно знали - все это решительно стоило того, чтобы жить!

Поэтому мы так обрадовались, когда Од наконец сказал, что он нашел выход. И только узнав, о чем именно идет речь, мы поняли, насколько трудной будет эта битва...

Четыре главы

до битвы с пустотой

В хранилище Истины повисло молчание. Всем было не по себе. Дети и их родители вдруг поникли, раздавленные тяжелым предчувствием от надвигающейся беды...

Наконец, папа взял маму за руку, подмигнул детям и сказал:

- Мы готовы тебя слушать. Говори, что бы там ни было. Я правда не знаю ничего страшнее того, что мы увидели за эти дни в Одинсбурге. Поэтому лично я готов идти до конца, лишь бы спасти нашу семью и наш город.

Тогда заговорил Од. Он сначала вздохнул, даже, как показалось детям, смахнул слезу, и обратился ко всем:

- Я искал повсюду, где только мог. Честное слово, я перепробовал все, что может прийти человеку в голову. Но пустота - слишком коварный враг. Она вязкая и липкая, и когда проникает внутрь человека, избавиться от нее невозможно.

Наконец, я кое-что нащупал. Я вспомнил, что в прежней жизни, еще до Обнуления, были особенные дети. У них были разные проблемы со здоровьем, родовые травмы, сложные синдромы, но от этих детей шла удивительная энергия. Даже равнодушные, невнимательные люди не могли пройти мимо них. Именно им стремились помочь, поддержать, уделить побольше внимания.

Видимо, Центр Порядка и Контроля тоже знал это. Потому что такие дети исчезли самыми первыми - скорее всего, их обнулили раньше остальных, чтобы уничтожить такой мощный источник энергии.

И тогда я подумал, что с их помощью можно победить пустоту. Но как именно действовать, я не знал.

Вы знаете, что в Одинсбурге всего десять болезней и все они понятные и простые. Мне предстояло создать нечто, что не смогли бы вылечить врачи - даже такие хорошие, как наш доктор, - и старик кивнул доктору, который сидел рядом с ним и внимательно слушал.

- Эти дети должны были отличаться и внешне, и внутренне. Вести себя не так, как остальные, быть непохожими на других. Но я сразу понял - таким детям и уход понадобится особенный. Им будет нелегко, поэтому без любви и поддержки близких они просто не справятся.

Когда я все разработал и спланировал, то, признаться честно, сам испугался. Сам ребенок, семья, в которой он появится, будут обречены на переживания, слезы, страх за жизнь своего особенного малыша. Разве есть у меня право обрекать кого-то на сложности и страдания?

Я зашел в тупик. Я не знал, что мне делать. Поэтому я все рассказал ребятам, тем, кто проскочил Обнуления и так верил, что мы сможем победить пустоту. Я больше не мог скрывать от них, что единственное оружие против пустоты стоит сразу нескольких человеческих судеб...

Три главы до битвы с пустотой

- Я хорошо помню, что чувствовал, когда Од нам все рассказал, - продолжил Тотон. При слабом освещении от щелей в стенах он выглядел особенно мужественно и загадочно. "Как рыцарь", - подумала про себя Тона, вдруг вспомнив один из портретов на стене здесь, в хранилище Истины, на котором был изображен красивый мужчина в странных одеждах, и была подпись: "Рыцарь Ричард Львиное Сердце"

- Сначала я радовался, как ребенок, что пустота все-таки имеет слабое место. Потом пришел в ужас от того, на что мы обречем людей. Мы все были так взволнованы, что не могли есть и спать. Мы взвешивали все "за" и "против", а пустота там временем все наступала. Наконец, я понял, что кто-то должен принять это

решение. И тогда я отвел Ода в сторону и сказал, что мы не имеем права вмешиваться в чью-то жизнь, даже если мотивы у нас самые благородные. Но мы имеем право распоряжаться собственной жизнью. И для меня будет большой честью помочь миру бороться с пустотой. Я принял решение, что сам стану особенным ребенком.

Тотон замолчал, пытаясь скрыть, что голос его дрожит. Старик тяжело вздохнул и продолжил:

- Когда Тотон позвал меня, я уже знал, что он скажет. Потому что в самую первую нашу встречу я уже почувствовал, что он и правда особенный. Он из тех редких людей, которые умеют вести остальных за собой. Его сердце наполнено добротой, а душа открыта этому миру. И он скорее предпочтет смерть, чем равнодушное наблюдение за тем кошмаром, в котором нас заставляют жить.

Нам всем было нелегко. Но Тотон сказал, что тянуть больше некуда. Однако нам предстояло решить, что делать с семьей - без поддержки близких Тотон бы не справился.

И мы нашли вас. Ребят, которые умудрились в искусственном бездушном Одинсбурге сохранить тепло в сердце. Мы разработали детальный план: нам предстояло внедрить Тотона в вашу семью, чтобы вы успели полюбить его. Ведь именно эта любовь потом помогла вам найти дорогу к хранилищу Истины.

Когда у вас родился братик, Тотон оказался в его теле. Перемещаться в башню отныне у него не было возможности и до того самого Праздника Равносчастия мы с ним не виделись.

- Чего я только не натерпелся за это время! Как вы тыкали в меня пальцами, чтобы проверить, проснулся я от этого или нет! Как щекотали пятки, чтобы узнать, научился ли я смеяться! А эти чепчики, что натягивала мне мама? А подкидывания папы, из-за которых я писался от смеха, но всем казалось, что мне нравится! Да, это было весело! - захохотал Тотон. Все остальные засмеялись вместе с ним, а мама и папа с таким теплом и любовью вдруг обняли его, что всем тут же захотелось заплакать.
- Но надвигался праздник Равносчастия, а это был наш единственный шанс повернуть план. В этот день пустота не так активна и можно было безопасно проскочить в сон и обратно, - продолжил Од. - Я забрал Тотона, но при переходе он не изменил свою внешность. Это надо было для нашего плана - вам предстояло увидеть его таким, каким вы его знали, чтобы вы не сбились с пути.

Мы с ним еще раз все проговорили, я его проинструктировал, чего примерно стоит ожидать от эликсира. Хотя, признаться, я и сам толком не знал, как он работает. Поэтому в какой-то момент заколебался. Но Тотон, наш смелый, добрый друг, сказал, что он готов. И я дал ему эликсир...

Две главы

до битвы с пустотой

- Если честно, согласился я не от храбрости, а от страха, - засмеялся Тотон. - Нет для меня ничего страшнее, чем жить в пустоте, не чувствуя, не любя, не доверяя. Поэтому по-другому поступить я просто не мог.

Сложно описать действие эликсира. Он выкрутил меня изнутри, я больше не смог нормально улыбаться, играть, ходить и даже лежать. Все во мне горело и кипело, заставляя изгибаться всем телом. Мне было нелегко, но я чувствовал любовь мамы и папы, видел вашу решимость бороться за меня и вспоминал, ради чего все это. Когда мир внутри меня сжался, в нем мало чего осталось. Боль, одиночество, страх. Но была и любовь, очень много вашей любви - и это согревало меня.

Я так боялся, что вы откажетесь от меня! Ведь тогда весь наш план бы рухнул, и мы с вами вместе с ним. Я пытался подать вам сигнал, что вы на верном пути, что нам всем нелегко, но мы должны справиться. Увы, выходило у меня неуклюже, вряд ли вы поняли, что я хочу вам сказать..

- Я поняла, - тихо сказала мама, которая все это время не могла сдерживать слезы. Она беззвучно плакала, переживая снова и снова страх и отчаяние, которое не покидало ее с того самого праздника Равносчастия. - Чаще всего ты смотрел куда-то вдаль, твой взгляд блуждал в других мирах, а если я и ловила его, то видела только тоску и усталость. Но иногда - редко-редко - ты вдруг ровно на мгновение глядел на меня по-другому. С такой любовью, с такой надеждой, словно хотел сказать, что ты рядом и ты знаешь, как нам тяжело, и ничего не можешь с этим поделать...
- Мама, - вдруг заплакал Тотон. Заплакал совсем по-детски, хотя уже совсем не походил на ребенка. - Мама, спасибо тебе, что была рядом каждую минуту. Без вас с папой, без Тона с Тоной я бы не справился, я бы сдался и сбежал обратно в башню и всю жизнь потом не мог бы себе простить своей слабости.

Повисла тишина, которая изредка прерывалась чьим-то грустным вздохом или шепотом. Всем понадобилось время, чтобы собраться с мыслями. Наконец, Од заговорил:

- Первая часть нашего плана была как раз в этом. Найти семью, которая справится с этим испытанием. Дать им возможность понять, что это такое - жизнь с особенным ребенком. Дать возможность почувствовать постоянный страх за его здоровье, осознать, что ему потребуется особый уход и много-много любви.

За эти дни вы много с чем столкнулись. С неприятием других людей, с их попытками отгородиться от вас, с презрением и равнодушием. Увы, в городе, который захватила пустота, нет места состраданию, сопереживанию и помощи. Вам пришлось нелегко, мы все с тревогой наблюдали за вами. Но сейчас вы все знаете. Вы пережили трудные

времена и прошли через Обнуление. Поэтому вы здесь, с нами - вы уже заслужили право на убежище в Хранилище Истины. Но пустота надвигается. Она все ближе, я чувствую ее. И нам всем предстоит нелегкая битва.

Одна глава

до битвы с пустотой

Все с тревогой смотрели на Ода.

Он молчал. Было видно, как нелегко ему говорить. Тогда заговорил Тотон:

- Да, наш план сработал прекрасно. Все, кто так или иначе соприкоснулся со мной своим сердцем, смог противостоять пустоте. Из вас больше не выкачивали воспоминания, вы снова могли все чувствовать. Вы увидели Одинсбург таким, каким он был на самом деле - равнодушным, искусственным. Вы увидели истинные лица людей и поняли, что они превратились в бездушных роботов. Но сами вы больше такими не были. Вы изменились. Вы тоже стали особенными.

Тут Од, собравшись с силами, продолжил:

- Природа пустоты слишком могущественна. Ваш случай - это достойный пример того, что с ней можно бороться. Но, увы, этого будет недостаточно для ее уничтожения. Я долго думал над решением этой задачи. И мне нечем вас утешить: ее действительно невозможно победить. Но ее можно сдерживать, заблокировать, не дать ей возможности наступать на нас снова.

Дни и ночи напролет я просчитывал и вычислял, сколько таких источников энергии, как Тотон, необходимо, чтобы люди вокруг достаточно зарядились и смогли увидеть истину.

Я не нашел точного ответа, но, по моим подсчетам, если в окружении каждого человека будет хотя бы один источник энергии, мы сможем бороться. Самое важное условие - любой человек должен так или иначе соприкоснуться с особенными людьми. Он должен присутствовать в их жизни, помогать, заботиться, разговаривать, ухаживать - даже если особенный не является членом его семьи.

Мы сможем внедрить особенных, но задача всех остальных будет помогать им нести тяжелую миссию, которую они на себя взяли. Если любви и заботы будет недостаточно, они просто не справятся. Поэтому к каждому особенному ребенку мы добавим любящих родителей - они будут показывать всем остальным, как надо относиться к ним.

- То есть.. - испуганно сказала мама и вдруг замолчала.
- Это значит, что... - пытался продолжить папа, но тоже не смог.

Тотон посмотрел на них долгим взглядом, полным любви, и сказал:

- Битва в этом и заключается. Нам с вами предстоит сделать, пожалуй, самый сложный выбор в жизни. Вы можете прямо сейчас сказать, что все это бред и вздор, и уж лучше пустота, чем такое - мы пойдем вас. Вы встанете и уйдете, и будете в башне ждать, пока пустота не проникнет сюда. А когда она проникнет, все будет уже совершенно неважно - в мире просто не останется ничего живого.

Или мы все вместе решим бороться. И вернемся туда, в Одинбург, в ту жизнь, которую хотим сохранить. Нам будет очень сложно. Вы так и будете не спать ночами, вскакивая проверить, как мое состояние. Вы, - он повернулся к Тону и Тоне, - будете сталкиваться с насмешками других детей, чьи сердца уже заражены равнодушием. Вас будут обсуждать за спиной, давать глупые советы, не считать меня человеком, достойным равного отношения. Я не хочу скрывать от вас правду - времени на то, чтобы люди научились защищаться от пустоты, уйдет много. Возможно, даже больше, чем длится одна человеческая жизнь.

Я же навсегда останусь в теле особенного ребенка. Мне часто будет больно, я никогда не смогу быть таким, как все. Мне будут недоступны большинство радостей, которые есть у других детей. Но я для себя уже сделал выбор. Поверьте, мне будет достаточно вашей любви и внимания тех людей, которые присоединятся к вам в борьбе с пустотой, их тепла и заботы. Это сделает меня счастливым. Тогда я буду знать, что все не зря.

Тотон замолчал, а Од добавил:

- До тех пор, пока рядом с каждым человеком будет хоть один ребенок, который нуждается в особом уходе и любви, пустота бессильна. Энергия таких детей будет топить равнодушие в сердцах. Главное, чтобы как можно больше людей почувствовали ее, присоединились к нам, выступили против пустоты. Мы должны стать для всех примером. Мы перенесем души Тотона, а за ним и остальных героев отряда Особенных в тела обычных детей, и они тут же станут особенными, и проживут свою жизнь, растапливая пустоту вокруг себя. И тогда наша битва будет выиграна.

Мама и папа молчали. Что творилось в их душе, не знал даже мудрый Од. Тона встала, тихонько подошла к ним и обняла.

- Мамочка, папочка, мы с вами. Нам всем очень трудно сейчас, да, Тон?

Тон кивнул и тоже подошел к ним.

- Когда я вспоминаю, как все эти люди равнодушно кричали про Обнуление, мне хочется надавать им как следует! Тогда я поклялся себе, что сделаю все, чтобы спасти вас. Но я не знал, что спасение окажется таким тяжелым.

- Этого никто не знал, - обнял его папа. - И никто даже представить себе не мог, что стоит за всем этим. Но, - он с надеждой взглянул на Ода, - теперь, когда мы знаем правду, нам же станет легче! Мы будем знать, ради чего всё это, и справимся!
- Увы, - тихо ответил Од. - Пустота слишком близко, и в вас она видит угрозу. Ваши мысли смелые и честные, ваше желание сделать добро настолько искреннее и сильное, что вам не удастся вернуться в Одинбург незамеченными. Она нападет на вас. Единственный способ проскользнуть невидимыми - это забыть все, что здесь было. И больше никогда не вспоминать. Жить, каждый раз самим проходя проверку на прочность. И в моменты отчаяния утешать себя не тем, что вы спасаете мир, а любовью. Это самое сложное условие, но принять решение вы должны, учитывая его. Если вы решите бороться, вам придется выпить эликсир, который навсегда сотрет из вашей памяти все, что произошло здесь.

Глава первая

после битвы с пустотой

Мама, с трудом открыв глаза, пошла будить детей в школу.

Она не спала почти всю ночь, голова у нее болела, но она включила погромче радио и стала подпевать песню, готовя завтрак.

Папы уехал в командировку, и мама считала часы до его возвращения - прошло всего пару дней, а она так соскучилась!

Покормив детей, она поцеловала каждого из них. И когда они уже выбегали из дома, крикнула вдогонку: "Желаю прекрасного дня! И помните - мама любит вас!"

Дети, смеясь и перескакивая через ступеньки, обернулись и дружно прокричали в ответ: "И мы тебя!"

Мама закрыла за ними дверь, налила себе кофе и села в кресло, прикрыв глаза. Но посидеть не удалось - из комнаты послышались какие-то звуки. Мама тут же поднялась и пошла туда.

Когда солнце достаточно прогрело воздух на улице, мама с коляской вышла на прогулку. Она пошла в парк.

Город вокруг всюю жил своей обычной жизнью. Нараспашку открылись двери магазинов и булочных, откуда невероятно вкусно пахло свежим хлебом.

Вот мимо пробежала целая стайка девочек: в пестрых юбках и кофтах, с косичками и бантиками на головах. Они о чем-то болтали, громко хихикали и прыгали через редкие лужицы.

Вот уличный музыкант достал из чехла свою гитару и, устроившись на углу перекрестка, стал наигрывать какую-то мелодию. Мама постояла, послушала, бросила ему монетку и пошла дальше.

Вот из подъезда выскочила парочка влюбленных. Они смотрели друг на друга, поэтому даже не заметили маму и налетели на нее. Тут же извинились и снова перестали видеть мир вокруг: целовались и что-то шептали друг другу на ушко.

Вот мимо промчался велосипедист, прошла нарядная старушка в шляпе, прошел задумчивый мужчина, что-то бормотавший себе под нос и мечтательно смотрящий в небо. "Наверное, поэт" - подумала мама.

Наконец она дошла до парка. Ходить больше не хотелось, она слишком устала. Мама увидела скамейку, на которой сидел мальчик и читал книгу, подошла и села рядом.

Подставила лицо солнцу, прикрыла глаза и задремала.

Проснулась от того, что коляска дернулась. Мама заглянула в нее, улыбнулась, что-то сказала и, наконец, достала оттуда ребенка.

Мальчик, что сидел рядом, так внимательно читал книгу, что на маму почти не обращал внимания. Он перелистывал страницу за страницей, лишь изредка отвлекаясь, чтобы достать яблоко из рюкзака или сменить позу. Наконец, дочитал книгу и повернулся посмотреть, кто так шумит рядом с ним.

Он посмотрел на маму и ее ребенка. Ребенок выглядел странно - его взгляд скользил, ни на чем не останавливаясь, ручки не слушались, ножки не держали его. Мама с трудом удерживала его, но малышу, видимо, было скучно, и он капризничал.

Мальчик смотрел то на свою книгу, то на маму с ребенком. Мама поймала его взгляд и тихо сказала: "Мы сейчас уже уходим, извини, что помешали".

Но мальчик, придя в себя от удивления, ответил:

- Как зовут вашего малыша? У него есть друзья? Я могу стать его другом, хотите? Мы будем встречаться с вами в парке, и я буду с ним играть. Уверен, ему понравятся рожицы, которые я умею делать! Это такая умора!

И вдруг, подмигнув, шепотом добавил:

- Я просто знаю ваш секрет. И тоже хочу быть в отряде Особенных!